

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

Л. М. Дамешек

**Музей ВСОРГО:
история формирования коллекции
и выставочная деятельность
(1851–1931 гг.)**

Учебное пособие

УДК 91(571.5)(062)(069)(091)(075.8)

ББК 26.8(2Р54)лбгя73

Д16

*Печатается по решению учебно-методической комиссии
исторического факультета ИГУ*

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. А. А. Иванов, канд. ист. наук Т. Л. Пушкина

Дамешек Л. М.

Д16

Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.) : учеб. пособие / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 82 с.

ISBN 978-5-9624-0844-6

В учебном пособии, являющемся составной частью курса «Музееведение», рассматривается история создания, формирования коллекции, библиотеки и выставочная деятельность крупнейшего музея Восточной Сибири и Дальнего Востока – музея Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества со времени его возникновения в 1851 г. и до приостановления деятельности в 1931 г. Пособие рассчитано на студентов специальности «Музееведение», «История», аспирантов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей Сибири.

УДК 91(571.5)(062)(069)(091)(075.8)

ББК 26.8(2Р54)лбгя73

Учебное издание

Дамешек Лев Михайлович

**Музей ВСОРГО: история формирования коллекции
и выставочная деятельность (1851–1931 гг.)**

ISBN 978-5-9624-0844-6

Редактор В. В. Попова; дизайн обложки П. О. Ершов

Темплан 2013 г. Поз. 105. Подписано в печать 3.12.2013. Формат 60x90 1/16.

Усл. печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 3,9. Заказ 73. Тираж 100

Издательство ИГУ ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0844-6

© Дамешек Л. М., 2013

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

Оглавление

Глава 1. История музеев ВСОРГО.....	4
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>19</i>
Глава 2. Коллекции музея и выставочная деятельность.....	20
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>75</i>
Заключение	76
Список рекомендуемой литературы	81

Глава 1

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ ВСОРГО

На берегу реки Ангары, в начале улицы Карла Маркса (в прошлом – Большой), стоит одно из красивейших зданий города Иркутска, а вернее несколько зданий, составляющих интересный архитектурный ансамбль, выполненный в мавританском стиле. Он неизменно привлекает внимание как жителей, так и гостей нашего города. Это здание Областного краеведческого музея и его библиотека. Мало кто знает историю этого музейного комплекса и тем более то, что здание это строилось специально для музея. Нередко от прохожих можно слышать самые невероятные версии и умозаключения, вплоть до таких, что это – бывшее купеческое здание, а на фронтоне, вверху, имена купцов. Но история появления этих зданий гораздо интереснее всех этих версий.

Иркутский областной краеведческий музей является одним из старейших музеев Сибири. Его первое здание было построено иркутским губернатором Ф. Н. Кличкой в 1782 г. на Тихвинской площади (ныне площадь им. Кирова). История возникновения музея рисуется в таком виде.

Ф. Н. Кличка, прибыв на место новой службы в Иркутск, узнал, что в городе нет удобного помещения для библиотеки. Желая изменить данное положение вещей, он пригласил иркутян и объявил им о необходимости возведения каменного здания для этих целей. В 1780 г. началось строительство, а к 3 декабря 1782 г. в огромном по тому времени трехэтажном каменном здании была открыта библиотека.

Открытие библиотеки стало предтечей зарождения «музеума». В «музеуме» предполагалось сохранять и собирать все естественные произведения здешнего края, иметь модели разных земледельческих орудий, физические инструменты, модели судов, употреблявшихся в Охотском море и озере

Байкале. Составление «музеума» возложили на почетного члена Академии наук, известного путешественника и исследователя флоры Сибири Эрика Лаксмана, к тому времени проживающего близ Иркутска.

Несколько лет библиотека и «музей» находились в ведении Карамышева и Лаксмана, которые всячески пополняли их книгами и коллекциями. После отъезда первого в Европейскую Россию новым библиотекарем был назначен член приказа Никитин, очевидно, мало понимавший в музейном деле или вовсе не любивший его. Как бы там ни было, публичная библиотека в 1789 г. переходит в ведение главного народного училища и вскоре оказывается в ужаснейшем положении: многие книги пропали, иные были отданы без расписки, часть библиотечного фонда пришла в плачевное состояние; музейные чучела оказались испорчены, растения сгнили.

Ситуация несколько улучшилась к 1805 г., когда в связи с открытием Иркутской губернской гимназии все коллекции поступили в ведение последней, причем учреждение это было названо музеем.

Дальнейшее пополнение коллекций привело к тому, что их обилие и высокая научная и культурная ценность явились достаточно веским основанием в пользу открытия в 40-х гг. XIX в. по предложению министра внутренних дел «музея естественных предметов» при Главном управлении Восточной Сибири. Распорядителем этого музея был назначен инспектор Иркутской губернской гимназии В. И. Седаков, сразу же принявшийся деятельно трудиться над созданием музея. Именно он явился автором руководств по собиранию, препарированию, хранению и пересылке предметов, налаживал контакты с корреспондентами, отыскивая их даже в дальних уголках Сибири. Результатом его усилий стало создание музея, в котором уже к 1850 г. находилось около 650 предметов.

День 17(29) ноября 1851 г. ознаменовался появлением в Иркутске нового краеведческого очага, привлекшего к себе все немногочисленные местные научные силы и развернувшего собственную собирательскую и исследовательскую работу, – Сибирского отдела Императорского русского географического общества.

В первые годы своей деятельности отдел, в связи с отсутствием средств и специального помещения, не мог приступить к открытию собственного музея. Члены отдела в своих научных работах использовали коллекции музея Главного управления Восточной Сибири, куда им предоставлялся свободный доступ, тем более что в пополнении экспонатами и устройстве музея участвовали преимущественно члены отдела. Это активное взаимодействие побудило в 1854 г. Главное управление Восточной Сибири принять решение о передаче музея Сибирскому отделу. С этого момента, благодаря моральной и материальной поддержке местного общества и членов отдела, началось быстрое пополнение музея коллекциями.

К концу 70-х гг. коллекции музея стали настолько обширны, что появилась возможность экспонировать их на многих выставках.

Однако большим препятствием дальнейшему росту музея служила теснота и непригодность помещения. Еще в 70-х гг. неоднократно поднимался вопрос о постройке нового здания музея и собирались средства на расширение здания. Так, например, в 1873 г. велись переговоры с Иркутской городской думой о перестройке помещения музея. Городское управление согласилось, выставив следующие условия: 1) сообщение плана постройки, 2) приспособление здания для городской библиотеки и квартиры библиотекаря, 3) доступность библиотеки отдела для посетителей городской библиотеки. Несмотря на огромную важность назревшей проблемы, ее так и не смогли решить до лета 1879 г.

Последующие события стали роковыми в истории отдела. 22–24 июня 1879 г. в Иркутске разразился сильнейший пожар, в пламени которого погибли: богатая библиотека, заключавшая в себе 10 227 книг, 22 330 экземпляров различных естественно-исторических, этнографических и археологических предметов, масса старых дел различных учреждений Сибири, драгоценных свитков, относящихся к царствованию Иоанна Грозного и т. п. Был безвозвратно утерян превосходный труд А. П. Щапова о Туруханском крае.

Председательствующий ВСОИРГО полковник Л. А. Большев в своем письме генерал-губернатору Восточной Сибири

барону П. А. Фредериксу, датированном 5(17) июля 1879 г., сообщал: «Во время бывшего в городе Иркутске 24-го июня сего года пожара огонь, распространившийся с неимоверною быстротою по городу, охватил со всех сторон площадь, на которой находилось здание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, и истребил все находившееся в отделе. Спасти удалось лишь золотую коллекцию, пожертвованную вашим высокопревосходительством и незначительную часть мелких вещей»¹.

Тем временем, пока остатки коллекций вместе с канцелярией отдела ютились в двух низких небольших комнатах на окраине города, началась кипучая деятельность по восстановлению музея и сбору коллекций. Отдел встретил большое сочувствие и необычайную отзывчивость со стороны местного населения в деле восстановления музея и возобновления своей научно-исследовательской деятельности. От разных лиц и организаций поступали коллекции, книги для библиотеки и денежные пожертвования.

Пришли на помощь и научные учреждения: Академия наук, Вольно-экономическое общество, Географическое общество, Петербургский ботанический сад, Главная физическая обсерватория, Общество любителей естествознания, Общество московских натуралистов и др., которые, узнав о постигшем музей несчастье, выслали свои издания, жертвовали дубликаты коллекций.

Распорядительный комитет Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, которому принадлежал музей, в 1882 г. по горячим следам выступил с предложением строительства нового здания музея. Это вызывалось настоятельной необходимостью. Во-первых, в частном доме невозможно было разместить библиотеку и музей и тем более найти удобное помещение, где был бы необходимый для заседаний отдела зал. Кроме того, за аренду помещения нужно было заплатить большую сумму денег. Расходы на постройку специального здания хоть и были велики, но здание было крайне необходимо сделать, так как

¹ ГАИО. Ф.293, Оп. 1, Д. 14, Л.38-38об. Подлинник, на бланке с угловым типографским штампом председательствующего Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества.

оно помогло бы выполнить многие задачи отдела, в том числе формирование естественно-исторического и, главным образом, этнографического музея. Правда, сюда должны были входить археологические и антропологические материалы. Собираание этнографических, метеорологических и других научных материалов предполагалось силами как самих членов отдела, так и других интересующихся наукой из разных местностей Восточной Сибири, по особо составленным программам и планам. Поэтому музей был крайне необходим и ученым. А это в свою очередь должно было принести пользу учащейся молодежи, для которой учебные заведения не в состоянии были дать такого обширного материала, который предполагалось собирать в музее.

Выступив с таким предложением, Распорядительный комитет отдела имел надежду, что он встретит поддержку как среди членов своего общества, так и среди лиц, которым дорого развитие учащейся молодежи и распространение сведений о своей стране, что неизбежно произойдет, когда возникнет богатый местными формами музей. Особенно отдел рассчитывал на сочувствие сибирских предпринимателей-золотопромышленников. Члены отдела надеялись, что развитие геологических исследований позволит открыть новые золотоносные рудники и тем самым оправдает расходы, понесенные золотопромышленниками на финансирование научных исследований региона. Однако, чтобы решить все эти задачи и расширить деятельность отдела, прежде всего необходимо было иметь собственное здание, где бы хранились, обрабатывались и изучались собранные материалы. В распоряжении отдела находилось 29 тыс. руб. Место для постройки здания выделило Министерство внутренних дел – земельный участок располагался на углу Большой улицы и набережной Ангары. Особую роль в этом сыграло ходатайство генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина, который, желая оказать содействие Сибирскому отделу по восстановлению музея и библиотеки, обратился к местным представителям торгово-промышленного сословия с письмами о материальном содействии в этом благородном деле. Таким образом было собрано до 12 500 руб. Помогли деньгами и иркутские купцы Трапезниковы, Хами-

нов и др. Они внесли недостающую сумму в 15 113 руб. Для строительства был предложен проект, составленный членом отдела иркутским архитектором бароном Г. Розеном. Распорядительный комитет одобрил его и выразил глубокую благодарность барону за безвозмездное составление проекта и сметы на строительство здания.

Надо отметить, что Восточно-Сибирский отдел всегда окружали бескорыстные люди, глубоко любящие свою родину и свой край. Барона Генриха Владимировича Розена, без сомнения, можно отнести к таким людям, а красивейшее здание в Иркутске – памятник этому человеку. Закладка фундамента здания произошла 26 сентября 1882 г. По первоначальному проекту, ввиду недостатка средств, предполагалось построить только одно двухэтажное каменное здание. В нижнем этаже планировалось поместить вестибюль, библиотеку, швейцарскую квартиру для консерватора музея, состоящую из четырех небольших комнат и кухни, архив под парадной лестницей. В верхней части музея предполагалось разместить экспозиции и зал. Впоследствии, однако, выяснилось, что неудобно в здании музея иметь жилые помещения, и поэтому был составлен бароном Г. Розеном новый проект отдельного каменного двухэтажного флигеля для консерватора.

Отдел обратился за помощью к генерал-губернатору Д. Анучину, который тут же откликнулся на просьбу, выделив дополнительную сумму в 3 тыс. руб. на его постройку. Всего на строительство флигеля было израсходовано 6886 руб. 41 коп. В этом здании до недавнего времени располагалась библиотека музея. Строительство флигеля велось параллельно со строительством основного здания музея. Всей хозяйственной частью постройки ведал консерватор музея В. Витковский. Это была незаурядная личность. В Сибирь Витковский попал в качестве ссыльного в 1856 г. Сослан он был вначале в Балаганский округ, а в 1874 г. переехал в Иркутск, где и принял самое деятельное участие в работе Восточно-Сибирского отдела. Всю свою энергию он использовал как на научные изыскания, так и на благо отделу. На строительство целого комплекса зданий В. Витковский потратил немало сил и времени. Задолго до закладки фундаментов,

начиная с 1880 г., он заготавливает строительные материалы и вникает во все строительные вопросы. Благодаря его предприимчивости здания были построены за сравнительно короткий срок – 1 год и 2 месяца.

В октябре 1883 г. оба здания были построены. Возведенные в мавританском стиле фасады были отделаны красным кирпичом, отчасти песчаником. На фризе главного здания на каменных досках вверху были начертаны имена первых исследователей Сибири: В. И. Беринга, Г. В. Стеллера, С. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. И. Георги, Г. Ф. Миллера, Ф. П. Врангеля, С. П. Крашеникова и Д. Г. Мессершмидта. На открытии 6 октября 1883 г. присутствовали генерал-губернатор Восточной Сибири Дмитрий Гаврилович Анучин, иркутский губернатор генерал-майор С. И. Носович, преосвященный Макарий, епископ Киренский. Освящая залы музея, молебен отслужил высокопреосвященный Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Ко дню открытия в новом зале заседаний на втором этаже стоял портрет государя императора, а под ним портрет покровителя отдела генерал-губернатора Д. Г. Анучина, который приложил немало сил для собирания капитала на строительство зданий.

Однако вскоре и вновь построенное здание стало недостаточным, чтобы широко показывать собранные коллекции музея. Снова встал вопрос о строительстве здания. В 1890 г. на заседании Распорядительного Комитета под председательством В. Е. Яковлева был поднят вопрос о пристройке к музею двух новых залов. Речь шла о размещении будущих экспозиций и библиотеки. Самым удобным назывался вариант, когда музей размещался бы в двух залах нижнего этажа. На верхнем же этаже – зал для заседаний и общих собраний. Второй зал второго этажа должна была занять библиотека. Таким образом, музей оказывался изолированным, что позволяло поддерживать постоянную температуру, и кроме того, дым от курящих на общих собраниях больше не вредил бы экспонатам. Разумеется, на строительство этих зал денег у отдела не было, и он снова обратился к благотворителям. Ими оказались золотопромышленник И. М. Сибиряков, выделивший 6 тыс. руб. и камергер П. А. Сиверс, пожертвовавший 9 тыс. руб. Для строительства этого пристроя решено

было избрать особую комиссию, в которую решили пригласить П. А. Сиверса, Г. В. Розена, В. О. Тышко, Т. Н. Гречина, Н. И. Витковского и иркутского архитектора Н. В. Пухлова.

План пристроя, согласно которому предполагалось примкнуть его к заднему фасаду существующего здания, вновь был предложен бароном Г. В. Розеном. На всем нижнем этаже новой пристройки решено было поместить музей, а на верхнем – существующий зал обратить в зал для заседаний. Пристроенный – в библиотеку с читальной. Размеры пристроя должны были быть таковы, чтобы смета с включением вознаграждения в 5 % со сметной суммы Н. С. Пухлову не превышала 15 тыс. руб. Начавшееся строительство закончилось в 1891 г. В новых залах были устроены калориферы для отопления. Первоначальный вариант размещения был несколько пересмотрен. Библиотеку перенесли в зал заседаний. Таким образом, новые залы были заняты под этнографические коллекции, освободившийся от библиотеки зал занят геологическими, палеонтологическими и археологическими коллекциями. Новые залы получили названия: один зал стал называться – Сибиряковским, другой – Сиверса. Построенное здание оказалось очень красивым и могло удовлетворить запросы музея на тот период времени.

Первое десятилетие после открытия вновь отстроенного музея сразу же ознаменовалось поступлением разнообразных богатейших коллекций. Таким образом, благодаря самоотверженной работе членов отдела к 1889 г. музей уже имел 9048 экземпляров. Постепенно налаживалась и научно-популярная деятельность отдела и музея. Устраивались воскресные лекции, на которые пояснялось содержание коллекций. Лекторами выступали такие известные ученые, как И. Подгорбунский, Д. П. Першин, Н. И. Попов, А. И. Кириллов, Н. П. Левин, Д. А. Клеменц и др.

В 1889 г. Иркутская городская дума, идя навстречу просветительной деятельности отдела, ассигновала 600 руб. с тем условием, чтобы эти деньги употреблялись на развитие общеобразовательной части музея и на организацию объяснений коллекций сведущими лицами при посещении музея публикой. Насколько эти чтения отвечали насущной потребности и способствовали росту значения отдела и его му-

зая, можно проследить, изучив статистику числа посетителей: в 1877 г. музей имел 1300 посетителей (здесь мы пропускаем первые годы после пожара), в 1885 г. – 1764, в 1888 г. – 2826, в 1889 г. – 2019, а после открытия чтений в музее: в 1891 г. – 5922, в 1892 г. – 6734, в 1895 г. – 9980, в 1899 г. – 12 651, в 1900 г. – 15 716, в 1901 – 15 622. Эти данные наглядно показывают значение просветительской работы и развитие популярности музея.

Вместе с тем продолжался рост посещаемости музея; в 1902 г. его посетили до 27 тыс. человек, а к 1907 г. и в последующие годы – до 30 тыс. в год.

За это же время при музее была организована при содействии М. М. Холодковского лаборатория для проведения различных сложных химических анализов. В начале 1909 г. отдел приступил к организации при музее астрономической обсерватории, которая была открыта 7 февраля 1910 г. Заведовал обсерваторией инициатор ее появления Р. С. Пророков.

Период 1910–1920 гг., несмотря на сложную обстановку в стране, продолжал обогащать музей новыми коллекциями. К окончанию гражданской войны музей уже обладал девятью основными коллекциями: ботанической, зоологической, геологической, археологической, антропологической, этнографической, фотографий и рисунков, нумизматической, старинного огнестрельного и холодного оружия². Здание музея оказалось переполненным экспонатами, которые негде было размещать.

При таком непрерывном притоке коллекций музей вновь столкнулся с необходимостью расширения здания, так как возможности имевшихся помещений не позволяли развернуть все коллекции и приступить к их научной обработке. Многие коллекции из-за тесноты переводились в холодное надворное здание. Распорядительный комитет всеми силами стремился к расширению здания и еще в 1913 г. обратился к иркутскому архитектору И. Г. Бархину за помощью в создании нового проекта, который позволил бы гармонично влиться пристройкам в уже имеющийся комплекс зданий. И. Г. Бархин справился с задачей блестяще. Новый корпус

² Известия ВСОРГО. Т. LXXV. Иркутск, 1927. С. 134; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-565, оп. 2, д. 54, л. 7.

предполагалось построить в виде двухэтажной пристройки, которая должна была располагаться параллельно основному зданию музея, начиная от библиотеки. Само здание библиотеки соединялось с главным корпусом музея аркой. Глядя сейчас на этот проект, очень сожалеешь, что он не был осуществлен. Это здание могло придать великолепный вид музейному ансамблю, привести его к законченному виду. Новый корпус предполагалось отвести под библиотеку музея, лекционный зал на 400 мест с эстрадой и кинематографом, канцелярию. Старое здание намечалось отдать полностью под экспозиционные площади. Постройка нового здания по смете должна была обойтись в 58 765 руб. Средства эти планировалось просить у правительства в качестве пособия или в крайнем случае – ссуды. Проект был одобрен на общем собрании членов отдела. Кроме того, планировалось из имеющегося каменного амбара, который сохранился до сих пор, создать домик под квартиру для консерватора музея, которого лишили помещения из-за библиотеки. Для этой квартиры необходима была сумма в 1500 руб. Но планам так и не было суждено сбыться... Начинается война, и естественно, правительство не могло отпустить деньги на строительство музея. И вот в сентябре 1914 г. отдел пытается сдать участок в аренду в надежде, что кто-то построит здесь каменный дом. Но и это не было сделано.

Только в 1935 г. Восточно-Сибирский отдел после многочисленных реорганизаций опять собирает комиссию, снова пытаюсь рассмотреть вопрос по строительству нового корпуса музея, используя проект И. Г. Бархина. Но осуществить этот проект до сих пор так и не удалось.

Думается, что новое здание по этому проекту, без сомнения, украсило бы наш город и дало бы возможность показать многочисленные коллекции в одном музейном ансамбле, как это сделал бывший музей ВСОРГО. Ведь именно это учреждение сыграло огромную роль в развитии сибирской науки и культурной жизни в XIX–XX вв.

Однако вернемся в 1917 г., именно с этого момента нарушается обычный ритм деятельности отдела и музея. В результате гражданского противостояния в Иркутске в декабре орудейно-ружейным огнем были повреждены стены и

крыша музея. Особенно пострадали печи и фронтоны здания, в окнах и витринах было выбито 700 стекол, в результате чего музей был полностью открыт для холодного зимнего воздуха. Урон был нанесен коллекциям старинного оружия, геологической, археологической и этнографической коллекциям, оптическому оборудованию. После освобождения здания все усилия администрации ВСОРГО были направлены на охрану и восстановление здания и коллекций музея. Ремонт здания, осуществленный на пожертвования и при помощи материалов и работников, предоставленных городским самоуправлением, был закончен к лету 1918 г., и 1 июля музей отдела был открыт для общего посещения³.

Эта проблема оказалась лишь первым звеном в длинной цепочке начавшихся неприятностей. В Томске в январе 1919 г. состоялся Съезд по организации Института исследований Сибири (ИИС), принявший решение о передаче музея и библиотеки ВСОРГО своему Иркутскому отделению. Его директор В. Б. Шостакович на заседаниях Распорядительного комитета (РК) отдела (5.03.19 и 15.01.20) потребовал передать Средне-Сибирскому отделению ИИС (Иркутск) все издания, архивные материалы и экспонаты музея ВСОРГО для организации при нем областного книгохранилища, музея и архива. РК отказался исполнять это решение. 15 марта 1919 г. В. Б. Шостакович на заседании РК предложил для экономии средств пойти на слияние музея ВСОРГО с проектируемым областным музеем, но не получил поддержки присутствовавших⁴.

Весной 1920 г. под благовидным предлогом обеспечения сохранности коллекций музея начинается наступление властей на собственность ВСОРГО. Его исполнителями стали члены отдела, работавшие в советских органах. Будучи членами Распорядительного комитета, они вынесли на его заседание (3 марта) предложения по разгрузке музея. РК большинством голосов решил не передавать коллекции учебным заведениям, а ходатайствовать перед властями о выделении дополнительных помещений для размещения экспонатов музея. Однако уже 6 марта состоялось новое заседание РК, на

³ ГАИО. Ф. Р-565, оп. I, д. 4а, л. 1, оп. 3, д. 4, л. 16.

⁴ ГАИО. Ф. Р-565, оп. I, д. 4а, л. 9, оп. 3, д. 7, 9, 34.

котором присутствовали ведущие ученые Иркутска и представители государственных органов. Под их давлением было принято решение о реорганизации музея ВСОРГО. Но последнее слово было за общим собранием отдела⁵. Общее собрание (13.03.20), несмотря на усилия заинтересованных лиц, приняло решение лишь разгрузить музей. 28 мая комиссия в составе С. А. Григорьева, Р. С. Пророкова, Ф. М. Карльса (ВСОРГО) и М. А. Кравкова, В. Ч. Дорогостайского (подотдел охраны культурных ценностей отдела народного образования) решила перевезти зоологические и палеонтологические коллекции в дом Мерецкого по Пестеревской улице. Остальные коллекции (этнографическую, археологическую и др.) было решено сохранять⁶ своими силами, местная власть обратилась за помощью к краевым органам. Летом 1920 г. заведующий Сибоно Д. К. Чудинов распорядился реквизировать материальную базу ВСОРГО. Администрация отдела (С. А. Григорьев, Р. С. Пророков) обратилась за помощью в Москву и Петроград, и из Наркомпроса пришла телеграмма, поддерживающая ее позицию и квалифицирующая эту национализацию как незаконную. Изъятие музея было остановлено, но уже 11 июля 1920 г. в Иркутск из Омска от Д. К. Чудинова пришла директива следующего содержания: «Предлагаю точно выполнить мой приказ передачи музея, библиотеки и оборудования ВСОРГО Губнаробразу. Ответственность за невыполнение приказа Луначарского беру на себя. Чудинов». В сентябре 1920 г. Наркомпрос в телеграмме ВСОРГО подтвердил свою позицию по незаконности происходящего, но это не произвело никакого впечатления на местные власти. Отобранный музей оказался бесхозным, не финансировался, а всю работу в нем проводили на общественных началах сотрудники ВСОРГО. Из-за отсутствия сторожей в нем стали происходить кражи экспонатов⁷.

В начале мая 1921 г. Наркомпросу и центральному органу Русского географического общества были переданы документы об изъятии материальной базы отдела. Но заведующий Сибирским отделом народного образования

⁵ ГАИО. Ф. Р-565, оп. 3, д. 7, л. 37–39.

⁶ ГАИО. Ф. Р-565, оп. 2, д. 68, л. 6.

⁷ ГАИО. Ф. Р-565, оп. 2, д. 68, л. 51, оп. 3, д. 7, л. 58–59.

Д. К. Чудинов. 21 мая 1921 г. издал приказ об изъятии у ВСОРГО музея со всеми принадлежащими ему зданиями, имуществом и экспонатами и передаче его в ведение Иркутского губернского отдела народного образования. Управляющий делами заведующего Сибирского отдела народного образования Сибиряков объяснил правителю дел ВСОРГО Р. С. Пророкову, что они рассматривают Географическое общество как учреждение демократическое, а не советское, поэтому изымают у них все имущество. Распорядительный комитет 24 мая 1921 г. отправляет очередную телеграмму в Наркомпрос. Оттуда в Ново-Николаевск в адрес Сибревкома 25 июля 1921 г. пришла телеграмма из Москвы за подписью А. В. Луначарского. Нарком указывал: «Приказ предсибревкома противоречит декрету. Срочно выясните вопрос об его отмене и возвращении имущества отделу РГО. Музей переименовывается в Государственный музей ВСОРГО»⁸.

Противостояние Чудинова и Луначарского закончилось в пользу первого, и 30 июля 1921 г. завгубоно Боровинский отписал завподотделу Иванову-Мартынову: «С получением сего предлагаю Вам возобновить прием музея ВСОРГО, несмотря на отсутствие их представителя. Принимайте имущество по наличности. Вместо представителя ВСОРГО срочно запросите представителя Рабоче-крестьянской инспекции»⁹.

В начале июля 1922 г., при встрече с председателем отдела П. К. Казариновым Д. К. Чудинов отказался вернуть музей, но согласился на создание совета Музея как руководящего научного органа, в который бы вошли представители Наробраза, ВСОРГО, госуниверситета и музейные работники. Однако 19 июля он без объяснений отказался утвердить «Проект организации Музейного совета». В музее в это время разрушались коллекции, о чем появилась информация в журнале «Печать революции».

В связи с этим Д. К. Чудинов обратился к ВСОРГО с предложением «...реабилитироваться по этому вопросу». РК отдела (16.08.22) ответил, что «...раз иркутские музеи изъятые у ВСОРГО, то ему нет необходимости реабилитироваться. А вторых, после отказа Д. К. Чудинова утвердить «Положение о

⁸ ГАИО. Ф. Р-565, оп. 1, д. 17, л. 66, оп. 2, д. 53, л. 16–17.

⁹ ГАИО. Ф. Р-565, оп. 1, д. 17, л. 16, 20, оп. 2, д. 68, л. 17.

совете музея» у ВСОРГО нет возможности вмешаться в это дело. Следовательно, РК не считает для себя необходимым через печать реагировать на эту заметку».

Положение с коллекциями становилось угрожающим, и 23 августа 1922 г. газета «Власть труда» опубликовала по этому поводу тревожную статью. В ней сообщалось, что «в зоологическом отделе местного областного музея не работает ни одного человека, который мог бы заведовать этим делом, благодаря чему известную Гайсумскую коллекцию экспедиции Потанина, на основании которой делалось описание видов, начала есть моль»¹⁰.

Члены отдела не могли непосредственно влиять на ситуацию в музее, но они не остались безучастными наблюдателями и настойчиво искали выход из сложившейся ситуации. С этой целью 24 февраля 1923 г. было проведено заседание РК Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, на котором обсуждались формы сотрудничества с Иркутским областным музеем. На это заседание пригласили заведующего губернскими музеями М. М. Устьянцева, но он не явился. Тем не менее работа над документами продолжалась, и 9 марта Распорядительный комитет утвердил Положение о Совете Иркутского научного музея и незамедлительно выслал его в Сибано. Однако Положение было подписано лишь к концу 1923 г. После его одобрения краевыми властями представители ВСОРГО (Турунов, Топорнин, Петри, Хороших, Подгорбунский и др.) постоянно входили в состав руководящих и научных органов музея¹¹.

Требует особого внимания в рассмотрении трагичных событий того времени и тот факт, что в начале 1920-х гг. в музее работали люди, родившиеся преимущественно в конце XIX–начале XX в., беспартийные, имевшие высшее образование. Из докладной записки директора музея А. Т. Хамуевой (1937 г.) Обкому ВКП(б) о состоянии ИОКМ следовало, что в музее в течение ряда лет (в основном в 1920-е гг.) орудовали враги народа: Казакова – троцкист, Логинов – троцкист, Ходукин – эсер, Сосновский – белогвардейский офицер и т. д. В

¹⁰ ГАИО. Ф. Р-565, оп. 1, д. 17, л. 66, 68, оп. 2, д. 68, л. 47.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-565, оп. 1, д. 38а, л. 78, д. 95, л. 24–25, 74–75, оп. 2, д. 53, л. 16–17, оп. 3, д. 15. л 1, 5.

середине 1920-х гг. происходит смена практически всего коллектива.

В 1926 г. хранитель бурят-монгольского отдела П. П. Хороших увольняется из музея по собственному желанию, и хранителем с 1927 г. становится П. Г. Полтораднев. В списке личного состава ИОКМ за 1926–1927 гг. значится: «Павел Григорьевич Полтораднев, род. в 1892 г. в Красноярске, русский, беспартийный, образование высшее, педагогический факультет ИГУ, из рабочих. Служил в царской армии с 1913-го по 1917-й г., в армии Колчака с 1916-го по 1919-й г., в Красной Армии с 1920-го по 1921-й г., чистку проходил в Красноярске»¹². В 1925–1926-х гг., еще будучи студентом, работал в музее в бурят-монгольском отделе, помогал П. П. Хороших при регистрации и выставлении коллекций. После окончания ИГУ работал в Биолого-географическом институте при ИГУ. С 1926 г. – хранитель археологического отдела музея. В 1928 г. он руководил археологическим и антропологическим отделами, бурят-монгольским и отделом южносибирских туземцев.

В 1929 г. бурят-монгольский отдел и отдел народов Севера были объединены в этнографический отдел. П. Г. Полтораднев остался его руководителем, несмотря на то что сотрудник Кубинцев сообщил в НКВД в 1929 г. о передаче П. Г. Полторадневным документов Пилсудского его адъютанту, а также о пропаже из отдела документа о назначении Дорогостайского для сопровождения чешских эшелонов.

После закрытия ВСОРГО в 1931 г. был ликвидирован общественный контроль над музеем, и в последующие годы в результате неправильного хранения погибло значительное количество уникальных коллекций и экспонатов.

Таким образом, факты неопровержимо свидетельствуют, что научной общественной организации ВСОРГО в течение 70 лет интенсивной работы по сбору материалов удалось создать крупнейший в Сибири научный музей, собравший в своих фондах уникальные коллекции.

После победы советской власти ее местные органы, не приемля никакой другой собственности, кроме государственной, реквизируют музеи. Отсутствие необходимых ква-

¹² Список сотрудников музея с 1923–1963 г. //Архив ИОКМ.

лифицированных кадров и достаточного финансирования стало причиной порчи и кражи ряда экспонатов и коллекций научного музея.

Спасая коллекции, ВСОРГО добилось организации научного общественного контроля над музеем, что позволило предотвратить его разрушение и подготовить или пригласить квалифицированных музейных работников.

Контрольные вопросы

1. История строительства зданий музея ВСОРГО.
2. Расскажите о генерал-губернаторе, при котором был открыт ВСОРГО.
3. Что Вы знаете об архитекторе, по проекту которого было построено здание музея ВСОРГО. Какие еще здания спроектировал и построил он в Иркутске?
4. История формирования коллекции музея ВСОРГО.
5. ВСОРГО и иркутские меценаты.
6. Библиотека музея ВСОРГО и ее читатели (В. А. Обручев и др.)

Глава 2

КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ. ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСОРГО

Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества оставил после себя неизгладимый след в научной и культурной жизни Сибири. Сложные природные условия не помешали ему добиться и развить знания, принесшие громадную практическую пользу и ставшие доступными широкой общественности. Их не чуждались ученые просвещенного мира, найдя в новых открытиях сибиряков много занимательного и неизвестного европейской науке. По крайней мере, западные ученые продолжили начатое в XVIII в. живое сотрудничество с исследователями азиатской России. По мере расширения штата отдела росло число экспедиций и исследований естествоиспытателей, которых безмерно влекло вглубь еще во многом не обжитой территории. Тенденция неуклонного движения к обновлению сохранялась на протяжении всей истории существования ВСОРГО, приводила на путь научного и культурного прогресса. Будучи озабоченным расширением своей научной деятельности по исследованию условий местной природы, быта, религиозных воззрений туземного и переселенческого народонаселения, отдел часто привлекал помощников для достижения намеченной цели. По собственному почину корреспонденты посылали материалы о родном крае в отдел, где их с благодарностью принимали. Иные лица, движимые любовью к родным местам, способствовали открытию научных центров. В конце XIX – начале XX в. отделами и подотделами Географического общества были охвачены крупные города Забайкалья и Приморья. Безусловно, Восточно-Сибирский

отдел оставался основным хранителем всевозможных сведений о громадном регионе. Объединив вокруг себя все научные и культурные силы, отдел централизовал и сгруппировал обширные данные по геологии, археологии, химии, зоологии, ботанике, палеонтологии, сельскому хозяйству, промышленности, торговле, этнографии, статистике. Сюда обращались исследователи и жаждущие знаний люди не только со всей России, но и из-за границы.

К примеру, директора Дрезденского и Мюнхенского этнографических музеев интересовались возможностью «...приобрести этнографические коллекции, хотя бы не полные, сибирских инородцев и, особенно, шаманские костюмы...»¹³. Популярность отдела была высокой, и порой он выполнял не свойственные ему функции.

Став крупным центром, благодаря большой поисковой, научной деятельности и содействию жертвователей, Сибирский, а затем и Восточно-Сибирский, отдел добился существенных результатов. Полученные учеными знания в области орнитологии, минералогии, этнографии и др. подкреплялись образцами исследования. Поэтому действующий с 1854 г. при Географическом отделении музеев, с одной стороны, повышал статус общественной организации, с другой стороны, стал своеобразной лабораторией, открытой всем интеллектуальным течениям, и те, сливаясь воедино, усиливались все новыми источниковедческими данными.

Роль иркутского музея значительно возросла с годами, когда ученые подытожили, уже на современном уровне, наличие его фондов. Тогда многим стало понятно, что ценность собранных в музее коллекций не измерить простой совокупностью затраченных на них средств.

Между тем формирование коллекций музея, как мы уже знаем по предыдущим материалам, началось задолго до его образования.

Одно из первых поступлений в «музеум» датируется 1792 г., когда он пополнился коллекцией минералов, собранных маркшейдером Губановым в Барнаульских рудниках. В 1804 г. в его распоряжении оказались экспонаты «натурального кабинета, оставшегося в Иркутске по смерти ака-

¹³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 293, д. 342, оп.1, л. 54.

демика Лаксмана», состоявшего из 300 штук, минералов и 860 раковин. По «высочайшему соизволению» за коллекции Лаксмана было потрачено 3500 руб.

В 1816 г. некоторые любители учености из здешних чиновников представили 500 руб. на украшение гимназического музея; на пополнение физических инструментов купец В. И. Патюков пожертвовал 1 тыс. руб.

Уже к 1824 г. музей имел:

1. «Минеральный кабинет», включавший 1135 штук местных ископаемых;

2. «Раковинный кабинет», насчитывавший 950 раковин Восточного и Южного океанов;

3. Библиотеку, состоявшую из более чем 1 тыс. сочинений на разных европейских языках и большого собрания книг на китайском, маньчжурском, японском и татарском языках;

4. «Собрание ландкарт, планов, эстампов, математических и физических инструментов, моделей, редкостей с островов восточного океана, состоящих в естественных произведениях, одежде и разных орудиях, употребительных у тамошних народов».

К 1850 г. в музее находилось порядка 650 предметов.

В 1854 г. Главное управление Восточной Сибири приняло решение о передаче музея Сибирскому отделу. С этого момента началось активное пополнение музея коллекциями.

Большой вклад в приток коллекций внесли участники экспедиций и отдельных поездок вглубь территорий. Среди них можно выделить такие выдающиеся, как:

А) *Экспедиция Р. Маака* в Вилюйский край (1853–1855), на Амур (1855–1856) и Усури (1859), давшие музею богатейший материал по этнографии, зоологии, геологии, орнитологии, ботанике. Большую ценность полученного материала иллюстрирует тот факт, что его обработка по просьбе отдела производилась в Петербурге известными учеными академиками Брандтом, Менетрие, Бремером, Рупрехтом, Веселовским и др.;

Б) *Туруханская экспедиция А. П. Щапова и И. А. Лопатина* (1866), обеспечившая ученых ценнейшими материалами по геологии, фауне, флоре и этнографии;

В) *Олекминская геологическая экспедиция И. А. Лопатина*;

Г) *Олекминско-Витимская экспедиция* П. А. Кропоткина и И. С. Полякова; экспедиция А. Л. Чекановского и др.

Огромную роль в пополнении коллекций сыграли исследования ссыльных В. И. Дыбовского, В. Годлевского; геологов Меглицкого, Пермикина, Башкевича и в особенности многолетние исследования в области геологии Восточной Сибири И. Д. Черского и А. Л. Чекановского. Благодаря работам этих исследователей в музее впервые были приведены в определенную систему остеологические материалы, ранее значившиеся только под общим странным термином «кости допотопных животных».

Вообще геологии, зоологии и палеонтологии Восточной Сибири особенно посчастливилось в первые десятилетия после открытия музея.

Также в музей активно поступали коллекции по флоре (от Юринского с Онона, от Будишева, Агапитова и др.), по буддийским божествам, археологии. К концу 70-х гг. коллекции музея были настолько обширны, что появилась возможность принимать участие во многих выставках. Так, в 1868 г. музей представлял свои коллекции на сельскохозяйственной выставке в Иркутске, в 1876 г. – на выставке конгресса ориенталистов, в 1877 г. – на археологической выставке в Казани, в 1879 г. – на Московской антропологической выставке, где занял одно из самых видных мест и во многом способствовал успеху самой выставки.

Иркутский пожар 1879 г. нанес музею огромный ущерб. Более 22 тыс. ценнейших экспонатов было утрачено навсегда. Тем не менее, как мы уже знаем, вскоре музей был возрожден и в 1895 г. экспонировал уже около 17 тыс. предметов.

Первыми естественно-научными экспонатами обновленного музея стали предметы палеонтологии: №1 – череп шерстистого носорога, найденный в 1874 г. на берегу реки Бирюсы Г. Поралером, и №2 – коренной зуб и часть тазовой кости мамонта, найденные Г. Оглоблиным в том же году на прииске Безымянный Ключ Олекминского округа. С этого времени было положено начало комплектованию палеонтологической коллекции музея, основателем которой был известный ученый-исследователь Сибири И. Д. Черский.

Кроме того, первое десятилетие после открытия вновь отстроенного музея ознаменовалось поступлением разнооб-

разных богатейших коллекций, доставленных Г. Н. Потаниным из его известных экспедиций в китайскую провинцию Гансу, в Тибет и Монголию; Саянской экспедицией Н. П. Бобыря, инженера Л. Ячевского; ботанических – Я. Прейна; геологических – В. А. Обручева; археологических – И. Т. Савенкова, Н. Н. Агапитова, зоологических – В. Яковлева и др.

Этнографические исследования и поступление в музей этнографических коллекций особенно усилились с прибытием в Иркутск Г. Н. Потанина и Д. А. Клеменца, принявших деятельное участие в работе отдела. Так, Г. Н. Потанин вместе с И. Н. Подгорбунским организовали выставку принадлежностей буддийского культа, впервые ознакомившую публику с внешней стороной буддизма. Благодаря энергии и инициативе Г. Н. Потанина и Д. А. Клеменца широко развился интерес к изучению культуры и быта коренного местного населения. В деятельности отдела стали принимать живейшее участие такие исследователи бурят, как М. Н. Хангалов, П. П. Боторов, Я. Чистохин, Я. И. Дуброва, И. А. Подгорбунский, В. Л. Приклонский и др. За это время отдел обогатился лучшими работами по этнографии края, а музей приобрел богатейшие этнографические коллекции. Многие коллекции по буддизму и шаманству были пожертвованы Д. Гомбоевым, М. Н. Хангаловым, Вамбоцыреновым, Пандером, Лумбуновым и мн. др. Постепенно пополнялся музей и археологическими коллекциями. В этой области наибольшие услуги оказали члены отдела: Н. Н. Агапитов, Еленев, Н. И. Витковский, И. Т. Савенков, Д. А. Клеменц, И. С. Поляков и впоследствии М. П. Овчинников.

Собственно, Н. И. Витковский и М. П. Овчинников являются создателями археологического отдела музея. Особенно ценны поступления Н. И. Витковского из раскопок могильников на левом берегу реки Ангары, при устье реки Китоя, где им были найдены полные костяки человека новокаменного периода со всей погребальной обстановкой.

Как уже упоминалось выше, в конце 1891 г. музей получил возможность более просторно разместить свои отделы, благодаря пристройке двух новых зал. Этнографический отдел был помещен во второй зал верхнего этажа, естественно-исторический и археологический отделы – в два нижние зала. При этом отделы музея продолжали пополняться бога-

тыми и разнообразными коллекциями, доставленными членами известной Сибиряковской экспедиции В. Иохельсоном, В. Богоразом и др., и разнообразными коллекциями от Д. А. Клеменца, как то: геологическими – из Монголии и Ачинского округа, палеонтологическими – с реки Чулыма, ботаническими – из Забайкалья и Енисейского края, этнографическими – из различных мест Восточной Сибири и археологическими – из Забайкалья. Несколько позднее в музей поступили известная тунгусская коллекция С. А. Подъяконова, большая археологическая коллекция от М. П. Овчинникова и Протасова, коллекции (зоологические, ботанические) от Г. Н. Потанина, А. М. Станиловского, Я. П. Прейна, В. Ч. Дорогостайского и др.

Одновременно началось приведение коллекций в определенную систему и описание их. Этой работой музей обязан членам отдела Д. А. Клеменцу, Д. Першину, Н. И. Витковскому, М. Н. Хангалову (ценны работы, посвященные шаманству бурят, сделанные М. Н. Хангаловым), И. Кириллову, Г. Н. Потанину, В. А. Обручеву, М. П. Овчинникову и многим другим.

Согласно отчету консерватора музея и библиотекаря И. И. Попова, к 1 января 1895 г. Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества обладал коллекцией, состоящей из 1538 названий в 16 860 предметах. В 1894 г. усиленными темпами продолжалась разборка и научная классификация предметов музея, которыми занимались:

- Я. П. Прейн – продолжал определение ботанических коллекций с целью составления общего каталога;
- Д. П. Першин – обрабатывал орнитологическую коллекцию;
- А. С. Еленев – занимался перепроверкой и систематизацией археологических коллекций;
- С. Ф. Ковалик – работал над сортировкой и определением названий предметов якутской коллекции;
- Препаратор музея А. И. Кириллов занимался препарированием шкурки сибирских птиц, тем самым значительно пополнил имевшуюся в музее коллекцию.

Консерватор музея И. И. Попов занимался дальнейшим разбором коллекций, находившихся в ящиках, с целью дальнейшего их экспонирования широкому кругу посетителей музея. Помимо этого, им был послан запрос в Кяхту, Тяньцзинь и Ханькоу с просьбой прислать образцы чая и модели

китайских сельскохозяйственных орудий, а также модели машин, используемых при приготовлении кирпичного чая.

В заключение отчета И. И. Попов указывал на большие трудности, с которыми сопряжена работа музейных работников, вызванные отсутствием систематических каталогов коллекций музея, что немало препятствовало полноценному осмотру музея публикой. Также это в значительной мере мешало консерватору разнообразить свои воскресные объяснения. Самое же главное препятствие заключалось в невозможности проведения полноценной ревизии коллекций музея, правильной их регистрации и расположения по отделам. Систематический каталог имелся только по буддийскому отделу, но и он уже не удовлетворял требованиям музея, так как огромное количество предметов поступило после его составления.

Раз уж зашла речь о буддийском отделе, то хотелось бы остановиться на нем чуть подробнее. Дело в том, что местные культы (шаманизм и буддизм, распространенный в форме ламаизма среди бурят) пользовались заметной популярностью благодаря своей увлекательности, богатству предоставляемого вниманию исследователей материала, наконец, привлекающей многих духовной стороне, из-за чего статьи о них не сходили со страниц изданий отдела.

Однако внимание к буддизму со стороны членов ВСОРО и лиц, близких к нему по своим интересам, было продиктовано не только требованиями всестороннего изучения инородцев, но и близостью к странам, исповедующим эту религию, изучение которых, как сопредельных, входило также в задачи отдела и по мере возможности осуществлялось и специально организованными экспедициями, и отдельными путешественниками.

В числе членов отдела были такие, кто изучал саму доктрину буддизма, историю его возникновения и распространения, как, например, священник И. А. Подгорбунский. При этом непосредственные контакты с самими буддистами, наблюдение их религиозных обрядов, знакомство с преданиями об истории религии, искусством и особенностями мировосприятия и повседневной жизни давали неоценимые возможности для глубокого, живого проникновения в сложный мир буддийской философии, символики обрядности, пони-

мания его трансформации в народном сознании и влияния на все стороны жизни.

И. А. Подгорбунский совершал поездки в дацаны Гусиноозерска, Тункинской долины и др., где записывал предания о местных племенах (сойонах в Тункинском крае), наблюдал жизнь в ламаистских монастырях, изучал астрологию с местными ламами («Встретив на Хоншине одного ламу, занялся с ним астрологией и добыл несколько астрологических ламских табличек»¹⁴). Не раз выступал с результатами своих исследований в собраниях отдела и на страницах его печатных изданий (напр., сообщение на заседании этнографической секции 27 февраля 1890 г. «О буддийском рае Суховадии», доклад «О буддийском календаре» и др.). Издал замечательный труд «Буддизм», где сведения о содержании учения, об истории и его распространении (многие – публикуемые впервые), излагались увлекательно, в доступной читателям, не искушенным в тонкостях научного языка, форме.

Интересные исследования проводил член ВСОРГО врач Н. В. Кириллов – он изучал теорию и практику медицины ламаистского духовенства, ее связь с буддийской доктриной, писал о влиянии религии и доктрины на формирование системы тибетской медицины как части «буддийской науки»; на заседаниях отдела читал сообщения «О тибетской медицине бурятских лам», «О тибетской медицине как части ламайской доктрины» (80-е гг. XIX в.), доставил в отдел богатую коллекцию предметов, связанных с тибетской медициной (лекарственных трав, инструментов, медицинские трактаты и др.).

Большой вклад в изучение буддизма внесли такие известные ученые, как Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц.

Отдел поддерживал постоянные связи с ламами Восточной Сибири (Гусиноозерского, Тункинского, Агинского и других дацанов) и с хамбо-ламой Восточной Сибири Гомбоевым, от которых поступали ценные сведения о ламаизме и пожертвования предметов культа, обстановки монастырей, священных книг и др., составившие основу коллекции музея по буддизму. Многие из них, в том числе и хамбо-лама, были приняты в число членов отдела.

¹⁴ ГАИО.ф.293. Оп.1.Ед. хр.115.Л.25.

Коллекция постоянно пополнялась за счет пожертвованной со стороны лиц, побывавших в Китае и Монголии. Так в 1889 г. г. Пандер, остзеец, русский подданный, преподаватель русского языка в Пекинской коллегии иностранных языков, передал в отдел обширную коллекцию «буддийских статуй и принадлежностей буддийского культа», «большой стоимостью», составленную «со знанием дела и снабженную этикетками и пояснительным списком» (из письма к генерал-губернатору)¹⁵.

Как уже упоминалось выше, в 1897 г. в докладе Ревизионной комиссии указывалась необходимость составления нового каталога буддийской коллекции (после каталога Г. Н. Потанина и И. А. Подгорбунского 1888 г.). В нем говорилось: «Дело в том, что в этой коллекции, ... самой большой и самой разнообразной не только в России, но даже в Европе, есть много таких предметов, которые составляют нечто еще совершенно не известное Европе... По заключению комиссии, работа по составлению каталога этой коллекции не под силу никому из наличных членов отдела, ни даже европейским знатокам буддизма»¹⁶. Это требовало привлечения знатоков литературы буддистов, в первую очередь самих ученых монахов... Новый каталог, подготовленный И. А. Подгорбунским, вышел только в 1908 г.

Сотрудники отдела заботились также о распространении в обществе знаний, приобретенных в ходе их научной деятельности. Члены ВСОРГО читали личные лекции (напр., И. А. Подгорбунский «О Будде, его учении и о ламах», 1888 г.), рассказывали о коллекциях музея, организовывали выставки: «предметов внешней обстановки духовного быта лам», «предметов буддийской обрядности» 1888 г.) и др.

Но вернемся в январь 1895 г., ведь именно тогда произошло одно из важнейших событий в истории отдела – вице-председатель Императорского русского географического общества сенатор П. П. Семенов предложил Восточно-Сибирскому отделу общества принять участие во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде, намечавшейся на 1896 г.

¹⁵ ГАИО.ф.293. Оп.1.Ед. хр.66.Л.528.

¹⁶ ГАИО.ф.293. Оп.1.Ед. хр.134.Л.5

Распорядительный комитет, рассмотрев это предложение, признал желательным участие отдела в выставке, но не смог, тем не менее, гарантировать его широкого участия ввиду отсутствия достаточных денежных средств. В связи с этим было решено привезти на выставку лишь небольшую часть коллекций ВСОИРГО.

В феврале 1895 г. временный председатель отдела Н. Е. Маковецкий, правитель дел Я. П. Прейн и член Распорядительного комитета Д. П. Першин провели совещание, на котором решался вопрос о более представительном участии отдела в выставке. Совещавшиеся пришли к заключению, что без необходимых денежных средств достигнуть этого будет невозможно, а потому решили обратиться за помощью к Ю. И. Базановой, надеясь, что Юлия Ивановна, всегда чутко отзывавшаяся на всякого рода общественные дела и проблемы, не откажется и на этот раз прийти на помощь отделу. Действительно, на телеграмму, отправленную Н. Е. Маковецким и Я. П. Прейном, Ю. И. Базанова не замедлила ответить, сообщив Комитету, что она ассигнует для участия отдела на выставке 3 тыс. руб.

Располагая этими средствами, Распорядительный комитет уже был в состоянии значительно расширить рамки участия ВСОИРГО на нижегородской выставке. Для более подробного определения дальнейшего плана действий отдела в марте была сформирована Выставочная Комиссия, в которую вошли: Н. Е. Маковецкий, Я. П. Прейн, Д. П. Першин, А. В. Янчуковский, Н. Е. Козлов, И. А. Молодых, И. А. Подгорбунский, И. И. Попов и П. Е. Кулаков, впоследствии к ним присоединились В. А. Обручев и Н. П. Левин.

Выставочная комиссия должна была выработать четкую программу участия отдела на Всероссийской промышленной выставке 1896 г., руководствуясь при этом первоочередными задачами выставки. Было решено ограничиться вопросами преимущественно экономического характера, т. е. имеющими довольно тесную связь с населением страны. Согласно этому решению отдел должен был представить на выставке свои коллекции фотографий, чертежей, моделей и описаний, подробно иллюстрирующие и создающие максимально полную картину экономического быта как крестьянского, так и инородческого населения Иркутской губернии. Параллельно

было высказано пожелание, чтобы ряд крупных промыслов, таких как омулевый и нерпичий, также были подробнейшим образом представлены на выставке. Также необходимо было составить такие коллекции, как почвенная, дендрологическая, промысловых зверей и птиц и др. Выставочная комиссия, расширяя рамки участия отдела в предстоящей выставке, вынуждена была считаться с еще одним очень важным обстоятельством – времени на подготовительные работы отводилось не более трех-четырёх месяцев, а высококвалифицированных кадров, необходимых для осуществления намеченной программы, катастрофически не хватало. Однако, несмотря на это, среди членов комиссии нашёлся человек, в лице И. А. Молодых, близко знакомый с экономическими условиями края и страстно желавший всецело посвятить себя выставочным работам. В составе комиссии был еще один деятель, на которого можно было рассчитывать, а именно проживавший в Балаганском округе П. Е. Кулаков, хорошо знавший этот округ и занимавшийся ранее статистическими работами. Таким образом, выбор комиссии в деле экономического исследования быта населения Иркутской губернии остановился на этих двух лицах. Согласившись взять на себя эту тяжелую и очень ответственную миссию, они первым делом приступили к детальной разработке программы намеченных исследований. Единственным незаполненным пробелом оставалось развертывание изучения рыболовства на Байкале и Ангаре. Дело в том, что в это время в Иркутске не было человека, который мог бы удовлетворительно выполнить эту работу. Из лиц, известных комиссии, наиболее подходящим являлся Сибиряков, ему-то в итоге и было поручено собрать коллекцию байкальских и ангарских рыб, а также принадлежностей рыболовства с подробным описанием этого промысла.

Что касается выполнения других направлений программы, намеченных комиссией, то они распределились следующим образом: Правитель дел Я. П. Прейн взял на себя руководство по собиранию дендрологической коллекции, а также составлению коллекции наиболее типичных образцов почв Иркутской и Енисейской губерний; член отдела геолог В. А. Обручев согласился руководить составлением физической и геогностическо-петрографической карты и коллек-

ции горных пород. Член Комиссии Д. П. Першин занялся формированием коллекции промысловых птиц и зверей.

Окончательное же разрешение некоторых вопросов в программе для исследования экономического быта населения Иркутской губернии затянулось вследствие того, что один из исполнителей программы, а именно П. Е. Кулаков, проживал в Балаганском округе и ему было необходимо дать возможность приехать в Иркутск. Приезд Кулакова в Иркутск состоялся благодаря благосклонному отношению к отделу иркутского генерал-губернатора А. Д. Горемыкина, который, желая привлечь большой круг лиц к делу выставки, образовал особый Вспомогательный выставочный комитет, к участию в котором пригласил и членов отдела. Генерал-губернатор, образовав Вспомогательный выставочный комитет, настоял на том, чтобы Комитет работал совместно с отделом и был с ним органически связан. Для этого в состав Выставочного комитета были приглашены представители Распорядительного комитета и ВСОИРГО. Делопроизводителем Комитета был назначен член Распорядительного комитета отдела Д. П. Першин.

Для увеличения выставочных средств к 3 тыс. руб., пожертвованным Ю. И. Базановой, покровитель отдела добавил еще 1884 руб. 78 коп., имевшихся в его распоряжении, направив их на нужды Иркутского вспомогательного комитета.

Новое денежное вливание позволило отделу расширить план работ, тем более что им была получена от заведующего Сибирским отделом выставки сенатора П. П. Семенова предварительная программа для восточносибирской группы, в которую входили следующие главнейшие рубрики: а) о «производительных силах Иркутского генерал-губернаторства», б) «Сельскохозяйственные промыслы оседлого населения», в) «Лесоводство и лесные промыслы», г) «Горные промыслы», д) «Заводская и вообще обрабатывающая промышленность» и е) «Промыслы инородцев».

Программа П. П. Семенова во многом дополняла ранее выработанную программу и послужила руководством к действию в подготовке к участию отдела во всероссийской выставке. Таким образом, было решено оформить три стенные карты Иркутского генерал-губернаторства: физическую, административную и геогностическо-петрографическую; со-

ставить коллекцию горных пород, которая должна иллюстрировать геогностическо-петрографическую карту; собрать статистические сведения о населенных пунктах Иркутского генерал-губернаторства; составить ландшафтные виды наиболее характерных местностей Иркутской губернии; расширить программу, касающуюся сельскохозяйственных промыслов, присоединив к ней бытовые стороны населения. Часть же программы, относящуюся к горным промыслам, решено было заморозить, так как она входила в компетенцию Горного управления и Кабинета Его Величества.

Надо сказать, что в это время, когда в газетах уже извещалось о полном ходе работ, широко поставленных планах, обилии материалов других местных комитетов – Амурского, Омского, Якутского, Иркутский практически ничего еще не имел в своем активе. Не удивительно, что большая часть членов вновь образованной комиссии считала положение дел безнадежным, а потому вся работа практически полностью легла на И. Ф. Молодых, Д. П. Першина и П. Е. Кулакова. Председатель комитета К. Н. Светлицкий, прекрасно понимая трудность их положения, предоставил им полную свободу действий, тем самым облегчив путь к достижению намеченной цели.

Члены отдела понимали степень риска задуманного мероприятия, но они свято верили в то, что только отдел Географического общества сможет точно и беспристрастно выполнить задачу, поставленную заведующим Сибирским отделом П. П. Семеновым – представить панораму жизни страны. Понимали они и другое: устранись Восточно-Сибирский отдел от выставки, как это сразу даст пищу для неприятных подозрений в сепаратистских тенденциях сибирской интеллигенции. Наконец, Сибири вряд ли пришлось бы краснеть за успехи своей промышленности – развитие экономической жизни края шло уверенными темпами: обладая значительными земельными богатствами, она сумела развить главные векторы промышленности, миновав появление полуголодного сельского и фабрично-заводского пролетариата.

В мае 1895 г. был окончательно составлен план работ по участию отдела в выставке. Главнейшее место отводилось материалам, подготовленным И. А. Молодых и П. Е. Кулаковым в Иркутском, Балаганском и Верхоленском округах Иркутской губернии. Из программы, предложенной заведующим

щим сибирским отделом выставки, ими были выполнены следующие темы:

- 1) «Сельскохозяйственные промыслы оседлого и полуседлого населения»,
- 2) «Лесоводство и лесные промыслы в Иркутской губернии»,
- 3) «Заводская и обрабатывающая промышленность для сельского населения».

Кроме того, И. А. Молодых и П. Е. Кулаковым были собраны обширные материалы, характеризующие: 1) перемены, произошедшие в экономической жизни края после исследований Иркутской губернии в 1888–1889 гг., 2) те стороны быта, которые этим исследованием были затронуты лишь в общих чертах (техника сельскохозяйственных и кустарных промыслов, огородничество и т. д.). Общая цель работ И. А. Молодых и П. Е. Кулакова заключалась в представлении сельскохозяйственного быта населения посредством фотографий, чертежей, описаний, моделей и образцов орудий и продуктов производств на момент проведения Всероссийской выставки, совпавшей по времени с прокладкой Великого Сибирского железнодорожного пути, поворотным моментом в истории промышленного и культурного развития Сибири.

Для того чтобы проверить эффективность составленного плана действий и избежать дублирования работ, И. А. Молодых и П. Е. Кулаков свою первую поездку в Тункинский край совершили совместно, причем во время поездки их сопровождал фотограф. После поездки в Тунку исследователи ввиду дефицита времени поделили исследуемый район между собой, причем каждый избрал наиболее известный ему округ: П. Е. Кулаков – Балаганский, а И. А. Молодых – Иркутский и Верхоленский округа.

В распоряжении И. А. Молодых был фотограф, который сопровождал его во время поездок, а П. Е. Кулаковым был куплен в Иркутске подержанный фотографический аппарат и ему был прислан в Балаганск человек, знакомый с фотографией, который мог бы фотографировать, сопровождая П. Е. Кулакова во время его поездок по округу.

В течение лета 1895 г. ученые посетили все волости и ведомства Иркутского, Балаганского, Верхоленского и частью Нижнеудинского округов, и для каждой группы населенных мест, представляющей характерные естественно-

исторические, экономические и бытовые особенности, нашли лиц, которые согласились доставить сведения, необходимые для пополнения данных, собранных экскурсантами.

За лето 1895 г. Молодых и Кулаковым было снято около 256 фотографий, но, к сожалению, в их распоряжении не было хорошо приспособленных к экскурсиям фотографических аппаратов, что, конечно же, препятствовало успешности их работ и стало причиной утраты многих редких снимков без возможности их восстановления. Фотографии, сделанные в соответствии с требованиями программы, отображали следующее:

1) населенные места; иллюстрации истории заселения края, поселения новоселов, одиночные и групповые заимки, летники и зимники инородцев, притрактовые и отдаленные от тракта русские деревни, фабричное село Тельма и город Иркутск;

2) сельскохозяйственные постройки крестьян и бурят: а) жилые строения крестьян различной степени зажиточности, б) сельскохозяйственные строения крестьян и бурят: овины, риги, скотные дворы, амбары, в) юрты разных типов и избы в зимниках бурят различной степени зажиточности;

3) сельскохозяйственные орудия и средства передвижения: а) сохи различных типов, колесуха, орудия уборки хлеба и сена и проч.; б) усовершенствованные орудия: веялки, молотилки, жнеи и др., в) летние экипажи: телеги, арбы, качки, адры и др.;

4) сельскохозяйственные угодья: изображения процесса расчистки тайги в разных периодах, пашни в тайге и степи, покосы, выгоны, утуги и огороды;

5) сельскохозяйственный скот: лошади – верховые, упряжные и ломовые различных пород; крупный рогатый скот, характерный для той или иной местности; мелкий скот – овцы и свиньи; домашняя птица – куры, гуси и т. д.;

б) сельскохозяйственные работы: пахота, бороньба, косьба, жатва, молотьба, уборка и укладка хлеба и проч.;

7) промыслы сельского населения: охотничьи принадлежности, западни, плашки, лыжи и проч. Орудия рыболовства. Производство и огородничество, обработка тканей, кузнечество;

8) быт населения: домашняя утварь крестьян и бурят, игры и обряды бурят, шаманские рожи, дацаны и проч.

Кроме фотографий, учеными были собраны большие коллекции растений и трав.

Благодаря разнообразию сельскохозяйственных условий изучаемых территорий, образцы, собранные учеными в местностях с разными почвенными, климатическими и общекультурными условиями и снабженные подробными описаниями, представляли собой значительный научный и практический интерес. Учеными были собраны образцы трав – луговых, залежных, таежных и др., наиболее характерных для различных мест исследуемых округов. Кроме того, была собрана коллекция образцов сельскохозяйственных растений, выращивание которых на изучаемых землях началось сравнительно недавно (льна, ржи, кустового и черного овса). Были заказаны и изготовлены модели наиболее распространенных сельскохозяйственных и промысловых орудий. Так, балаганским исправником К. С. Яновским была послана в отдел для последующей отправки на выставку значительная коллекция моделей сельскохозяйственных и промысловых производств: образцы тканей, хлеба, изделий из кожи, бытовые инородческие предметы и мн. др. Однако, хотя данная коллекция и представляла интерес для простого обывателя, она мало отвечала основным научно-исследовательским требованиям (отсутствие масштаба, документации и проч.). Исходя из этих соображений, покровитель отдела из коллекции, присланной балаганским исправником, выделил наиболее значимые для выставки части и присоединил их к уже сформированным коллекциям отдела и Вспомогательного выставочного комитета. Таким образом, часть коллекции Балаганского округа все же вошла в окончательный перечень экспонатов общей коллекции, посвященной промыслам крестьянского и инородческого населения.

Для данной коллекции были собраны следующие предметы:

1) изделия из конопли и пскони: пряжа (холст беленый и мышечный, полотенца, скатерти и половики), ткани чистые, полушерстяные и из тряпья. Образцы местных красильных растений. Изделия из овечьей шерсти: пряжа, вязанные предметы, крестьянское сукно и цветные пояса;

2) изделия из шелка: пояса и опояски изящной работы;

3) изделия из дерева;

4) домашние изделия инородцев: хупсыри, седла, дымленые овчины, барловины, тулупы и проч.;

5) поделки из железа, кости, польского серебра и дерева.

На завершающем этапе изучения экономического быта населения исследуемых округов ученым удалось сделать ряд не отраженных в экономической литературе того времени открытий, имевших немалое значение в деле изучения сельскохозяйственного быта населения. Ими было выявлены факторы общего роста использования сельскохозяйственной техники на полях, внедрения удобрений на полях в некоторых округах, совершенствования способов борьбы с сорными растениями.

Летом 1895 г. было принято решение о формировании коллекций, посвященных байкальскому рыболовству. Возглавить работу над коллекцией поручили И. И. Сибирякову. В распоряжение ученого был предоставлен фотограф, вместе с которым он и совершил поездку по Байкалу вплоть до северной его оконечности. Результаты поездки не вполне оправдали возложенных на них ожиданий, но все же было доставлено около 30 фотографий судов, лодок, русских и инородческих рыбоделен, пунктов главных уловов. Коллекция рыб, привезенная И. И. Сибиряковым, была крайне скудна, так как пребывание ученого на Байкале совпало с неудачным временем, когда лов почти не велся, кроме того, приходилось считаться еще и со временем прихода и отхода пароходов, а также с погодой, которая также не благоприятствовала его работам. Плюс сжатые сроки, отпущенные на составление коллекции, также давали о себе знать. Однако, несмотря на неудачные в целом результаты поездки, И. И. Сибиряковым все же была сформирована некоторая часть коллекции по рыболовству. Кроме того, благодаря его стараниям были созданы модели лодок и судов. Наибольший интерес как образцы местного судостроения представляли модели судов, сделанные Челпановым. Что же касается так и не набранных И. И. Сибиряковым материалов по рыболовству на озере Байкал и описания рыбных промыслов, то тут пришлось обращаться к приехавшему в конце лета члену отдела Н. П. Левину. Левин охотно взял на себя обязательство дополнить, насколько это было возможно, пробелы, допущенные И. И. Сибиряковым. Для пополнения коллекций байкальских рыб в Ангарск был послан препаратор музея Ки-

риллов, привезший вскоре большую коллекцию. Особую ценность этой коллекции составляли экземпляры форели (*Salmo Erythromes*), добытые им с большим трудом на озере Фролиха. Для пополнения сведений по рыболовству и рыбопромышленности Н. П. Левиным была совершена поездка на Ольхон и в Голоустное. Причем первая поездка – на Ольхон, состоявшаяся осенью 1895 г., проходила совместно с И. А. Молодых, для которого Ольхон представлял интерес как пункт, население которого занималось исключительно неземледельческим промыслом. Вторая же поездка Левина была совершена уже летом 1896 г. Результатом его поездок стала статья «Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхоне», в которую вошло также описание нерпичьего промысла. К сожалению, эта статья не успела войти в труды по участию отдела в выставке, так как, когда она была готова, труды отдела по выставке уже находились в печати. Именно поэтому статья была напечатана в первой книге XXVII тома «Известий отдела». Очерк Н. П. Левина главным образом был интересен тем, что в нем впервые появились статистические материалы, наглядные цифры, дающие более или менее прочные основания для анализа рыбного промысла той части Байкала, где рыболовство ведется с очень давнего времени и является наиболее характерным для остальной части озера. Что же касается сведений и коллекций, посвященных байкальскому судостроению, то тут основная заслуга принадлежала члену отдела – В. А. Комаровскому.

Препаратором музея А. И. Кирилловым, кроме поездки в Ангарск, была совершена поездка весной 1895 г. в Тункинский край и на южную оконечность Байкала; эта последняя поездка им была предпринята исключительно с целью добычи шкур и скелетов нерп (*Phoca baicalensis*) и продуктов нерпичьего промысла. В Тунке же им составлялась дендрологическая коллекция по инструкции, написанной Я. П. Прейном, и, кроме того, на Кириллова возложено было наполнение коллекции недостающими в музее экземплярами промысловых зверей и птиц по специальному списку, составленному Д. П. Першиным. Помимо этого, Кирилловым была собрана коллекция рыб, живущих в реке Иркут, и некоторые принадлежности рыболовства. В течение осени и зи-

мы Кириллов готовил для выставки шкурки и чучела промысловых зверей и птиц.

Всего отделом было направлено на выставку 58 экземпляров, из них 14 экземпляров чучел зверей, 14 – чучел птиц, 30 шкурок зверей и птиц. Насколько удовлетворительна была работа препаратора, можно судить по тому, что, несмотря на затруднительные условия пересылки чучел на значительное расстояние, Кириллов удостоился за свои работы награды бронзовой медалью.

Кроме специальной работы по изготовлению чучел для выставки и формированию рыбной коллекции, Кириллов принимал участие в упаковке и отправке других коллекций на выставку. Одним из очень трудных вопросов был вопрос в приискании специалиста для черчения трех карт в 50-верстном масштабе. Наиболее подходящими исполнителями этой работы могли быть топографы, производившие специальные работы за Байкалом и проживавшие зиму в Иркутске. Начальник штаба, в ведении которого находились топографы, сообщил Вспомогательному комитету, что все топографы заняты своими специальными работами и не имеют возможности уделить времени для составления карт для выставки, хотя бы и за значительное вознаграждение. В других местах также не оказалось подходящих специалистов. Тогда членом отдела М. М. Дубенским предложено было воспользоваться услугами чертежника Андреева, работавшего над составлением карты для трудов статистического бюро. Андреев взялся за 400 руб. вычертить три карты Иркутского генерал-губернаторства с условием, «если снабдить его всеми необходимыми принадлежностями для черчения». Получив задаток и лишь приступив к вычерчиванию черновой карты, Андреев от продолжения работы отказался, находя условленную плату недостаточной, и кроме того, имея в виду предложенное ему выгодное место на железной дороге. Вместо себя он представил бывшего землемера Комаровского, взявшегося за ту же плату закончить начатую Андреевым работу. К сожалению, Комаровский оказался мало опытным чертежником. Однако, несмотря на разного рода перипетии, в мае 1896 г. карты были окончены и отправлены на выставку. Особенный интерес представляли геогностическая и пет-

рографическая карты, иллюстрирующие коллекцию горных пород, составленную В. А. Обручевым.

В эту коллекцию входили горные породы, характеризующие: 1) отложения потретичные (современный, ледниковый и доледниковый), 2) третичную систему, 3) юрскую систему, 4) девонско-каменноугольные отложения, 5) девонскую систему, 6) нижний отдел силурийской системы, 7) кембрийскую систему, 8) гуронскую систему и 9) лаврентьевскую систему. Труды В. А. Обручева удостоились высшей награды.

Осенью 1895 г. член комиссии И. А. Подгорбунский доставил для выставки значительное число хорошо исполненных фотографий, изображающих ландшафтные виды Байкала, Тунки, Мунку-Сардыка и проч. Все эти фотографии, а также другие, имевшиеся в музее, были переданы П. П. Семёнову, так как предполагалось на стенах здания Сибирского отдела исполнить стенные декорации (Wand Gremalde).

Последние месяцы 1895 г. и январь 1896 г. были посвящены литературной обработке собранных материалов, а также приведению коллекций в окончательный вид для отправки на выставку. На делопроизводителя Вспомогательного комитета Д. П. Першина была возложена обязанность по организации и переписке с целью сбора сведений, необходимых для литературных работ по выставке, составления фактур и т. д. В осенне-зимнем отчете были собраны сведения о фабриках и заводах по Иркутской, Енисейской губерниям; об инородческих неоседлых поселениях в Енисейской и Иркутской губерниях и Якутской области; сведения об инородческих поселениях Иркутской губернии, не подвергшихся исследованию в 1886–1887 гг.

В течение зимы 1895 г. И. А. Молодых и П. Е. Кулаковым была совершена поездка в Верхоленский округ на средства Иркутского статистического комитета. Материалы, добытые ими, представляли большой интерес, потому что население двух исследованных ими ведомств бывшей Ольхонской степной думы почти не занималось земледелием, а жило исключительно промыслами и скотоводством. В собранных учеными материалах имеются богатые сведения для изучения нерпичьего и омулевого промыслов, не подвергавшихся еще до этого времени статистическому исследованию.

Быт бурят Ольхонского ведомства вполне своеобразен, так как буряты, живя в стороне от русского населения, еще сохраняли все черты первобытного племени. Это статистическое исследование представляет интерес не только как дополнительное к общему исследованию 1887–1888 гг., но и как вполне самостоятельное исследование совершенно своеобразного края.

Весенние месяцы 1895 г. Я. П. Прейн посвятил классификации и подготовке к отсылке в Нижний Новгород собранной им коллекции почв Иркутской и Енисейской губерний. За составление этой коллекции Я. П. Прейн был награжден золотой медалью.

Коллекция почв, собранных Я. П. Прейном, являлась дополнением таковой же коллекции, собранной Молодых и Кулаковым.

К середине февраля 1896 г. были завершены практически все намеченные для выставки работы, и И. А. Молодых с частью коллекций выехал в Нижний Новгород, оставив П. Е. Кулакова заканчивать литературную часть труда и наблюдать за окончанием фотографических работ. В начале марта П. Е. Кулаков, закончив выставочные работы, выехал с остальными коллекциями в Нижний. К этому времени денежные средства, имевшиеся в распоряжении отдела и Вспомогательного комитета, истощились, осталась лишь необходимая сумма для уплаты чертежнику за карты и на другие мелочные расходы.

И. А. Молодых, уезжая в Нижний Новгород, заявил, что, работая безвозмездно почти год для отдела и Выставочного комитета, он желает только, чтобы средства на дорогу, на расходы по представительству и на проживание в Нижнем Новгороде были обеспечены, так как он не имеет возможности затрачивать на это свои деньги, свой же личный труд и время в течение выставки он отдает безвозмездно. Принимая во внимание, что И. А. Молодых, отправляясь на Нижегородскую выставку в качестве представителя от отдела и комиссара от Вспомогательного выставочного комитета, вместе с тем был уполномоченным лицом и от частных экспонентов, посчитали возможным обратиться к лицам, экспонирующим из Иркутска, с предложением ассигновать некоторую сумму, которая могла бы обеспечить проживание

Молодых в Нижнем в течение 8 месяцев – с февраля по ноябрь 1896 г. – и на поездки его в Петербург. На это предложение откликнулись:

- В. И. Орельский ассигновал 200 руб.;
- И. Д. Перевалов ассигновал 200 руб.;
- А. В. Пихтин ассигновал 100 руб.;
- Я. Г. Патушинский ассигновал 100 руб.;
- В. А. Белоголовый ассигновал 100 руб.;
- А. И. Громова ассигновала 200 руб.;
- Николаевский завод ассигновал 200 руб.

Таким образом, к июню 1896 г. удалось собрать 1100 руб., которые и были переведены И. А. Молодых в Нижний Новгород. Позднее, осенью 1896 г., для этой же цели поступили еще денежные средства на общую сумму 465 руб. Из этих денег, поступивших на приход через казначея отдела В. З. Сказываева, было перечислено Молодых в Нижний дополнительно 300 руб. на обратный путь и на расходы по отправке обратно коллекций, остальные же пошли на возмещение других расходов по выставке.

Всего же с начала подготовки и до последнего дня участия отдела на Всероссийской выставке было затрачено 5283 руб. 23 копейки.

Необходимо отметить, что сжатые сроки подготовки (лето и осень 1895 г.), дефицит в квалифицированных постоянных кадрах, постоянный недостаток денежных средств так и не позволили осуществить на практике все задуманное отделом. И это несмотря на то что все участники столь знаменательного мероприятия максимально добросовестно относились к выполнению поставленных перед ними задач.

Вплоть до самого открытия выставки возникали различного рода проблемы, нестыковки, вопросы относительно пересылки коллекций, их пополнения и т. д. Особенно много хлопот доставила организация перевозки частных экспонатов, служивших дополнением и иллюстрацией важной программы отдела, шедшей под рубрикой «Заводская и вообще обрабатывающая промышленность».

Долго оставался нерешенным вопрос передачи в печать трудов И. А. Молодых и П. Е. Кулакова, описывавших экономические и бытовые стороны жизни населения Иркутской губернии. Во многом благодаря заботливому отношению к

нуждам отдела со стороны его председателя В. П. Сукачева данный вопрос был разрешен. Все хлопоты и расходы по этим изданиям В. П. Сукачев взял на себя. Таким образом, в середине лета 1896 г. свет увидела книга под заглавием «Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии», составленная И. А. Молодых и П. Е. Кулаковым, под редакцией П. П. Семенова. Книга включала в себя 250 страниц текста и 202 цинкографии, сделанных с фотографических снимков авторов. К началу мая все работы были окончены и все коллекции доставлены на выставку. Их сортировкой и расстановкой занимались все те же И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. После открытия выставки в отдел пришла телеграмма от заведующего Сибирским отделом выставки П. П. Семенова: «Выставка открыта. Восточно-Сибирская группа блестяще закончена; вызывает всеобщее одобрение; сердечно благодарю всех работавших по устройству выставки».

В конце июля 1896 г. делегат местного Комитета по организации Восточно-Сибирской группы Сибирского отдела Нижегородской выставки, член отдела И. А. Молодых выслал печатные каталоги, в которых подробнейшим образом расписывалось, какие предметы входили в коллекцию, как располагались коллекции в зале Восточно-Сибирской группы, а также каково значение каждой коллекции. Приведем лишь наиболее важную часть сведений, вошедших в тот каталог.

В ходе выставки в выставочном зале Восточно-Сибирского отдела демонстрировались карты топографические, гидрографические и административные. За их составление В. А. Обручев был удостоен высшей награды выставки.

Для демонстрации геогностического состава Восточной Сибири и для иллюстрации ее горной промышленности в числе экспонатов были коллекции горных пород и почв, а также образцы железной руды, каменной и самосадочной соли, каменного угля и серебряно-свинцовой руды, жерновых камней и модель весьма примитивной плавильной печи из Якутской области.

Из экспонатов, описывающих земледелие Восточной Сибири, представлены многочисленные образцы хлебов в зернах и колосьях, конопли в семенах, необработанном виде и в волокнах, гербарий сельскохозяйственных растений и трав, модели разнообразных сельскохозяйственных орудий, руч-

ной мельницы, топчака и т. п. (За эти коллекции Я. П. Прейн был удостоен золотой медали, И. А. Молодых – назначен экспертом 1-го отдела сельского хозяйства.)

На стенде, посвященном скотоводству, располагалось множество фотографий пород скота с подробнейшими к ним объяснениями в специальном иллюстрированном списке, изданном на средства председателя Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества В. П. Сукачева. Из Якутской окраины были привезены модели скотных дворов якутов и скопцев, а также модели оригинальных приспособлений ухода за конным и рогатым скотом. Материалы по оленеводству и собаководству, кроме фотографий, были дополнены моделями оленьих, собачьих нарт и упряжек.

В части выставки, посвященной лесным промыслам, можно было наблюдать обширную коллекцию образцов лесных деревьев и кустарников, а также экспонаты, объяснявшие принцип кедрового промысла. (Минусинскому музею и Я. П. Прейну за коллекции были присуждены золотые медали.)

Звериные промыслы были проиллюстрированы чучелами промысловых зверей и птиц, шкурками пушных зверей, образцами птичьего пуха и моделями орудий и приспособлений для охоты. Но особенно замечательно была представлена витрина А. И. Громовой – владелицы одной из главнейших фирм, занимавшейся звериными промыслами на территории Якутской окраины. У этой витрины располагались также образцы бивней мамонта и изданное Императорским русским географическим обществом на средства, пожертвованные А. И. Громовой и М. В. Пихтиным, прекрасное научное исследование сотрудника общества Серошевского, посвященное якутам.

На стенде, отведенном рыболовству, располагались образцы разных видов рыб, являвшихся предметом рыбной ловли в Байкале и других озерах и реках Восточной Сибири и Якутской окраины, модели орудий и приспособлений для рыбной ловли; модели судов и лодок, а также образец инородческой лодки с реки Енисей. Над составлением данной коллекции работали Левин, Кокоулин и Комаровский.

Главные фабрики и заводы Восточной Сибири также активно участвовали в презентации своей продукции. На вы-

ставке были представлены Петровский чугунный и железоделательный завод, фарфоро-фаянсовый завод (Перевалова), заводы стеклянные, гончарные, спичечные, винокуренные, водочные, пивоваренные, канатно-веревочные, кожевенные, свечные и мыловаренные, сундучные и единственная в Восточной Сибири суконная фабрика (получившая похвальные отзывы и бронзовые медали), крупчаточное заведение (серебряная медаль). Из типографий следует назвать типографию Витковской, не ограничивавшую свою деятельность только торговым делом и получившую серебряную медаль.

Большое внимание уделялось в зале Иркутского генерал-губернаторства ручным, ремесленным и кустарным изделиям края, особенно изготовленным его инородческим населением. Эти изделия создавались в основном с целью удовлетворения личных нужд и потребностей местных жителей, что и придавало им преимущественно этнографический характер.

Жилища демонстрировались на примере моделей и планов (чертежей) жилищ русского (крестьянская усадьба) и инородческого населения (юрта) Якутской окраины. Здесь же были модели хозяйственных построек (амбаров, изгородей и т. п.). Одежда была представлена образцами самодельной одежды, пряжи и ткани, обуви и украшений бурят, тунгусов, якутов, ламутов, чукчей и т. п.

Из домашней утвари на выставке демонстрировались: ковры, войлоки, конные сбруи; изделия из кости мамонта; чистого, а также якутского и польского серебра, меди, железа, дерева, бересты; гончарные изделия, посуда; местные хирургические инструменты и т. д.

Имелись в Восточно-Сибирской зале и предметы, относящиеся к сфере религиозного культа инородцев. Наибольший интерес представляли две уникальные в своем роде коллекции – Иркутского музея, состоящая из употребляемых в бурятских религиозных ритуалах музыкальных инструментов, костюмов, масок, а также сосудов и бурханов ламаистского культа, и коллекция, собранная профессором А. М. Позднеевым в русских, бурятских землях и соседней Монголии. Повышенное внимание привлекала небольшая коллекция идолов и предметов остяко-самоедского культа, собранная в низовьях Енисея мичманом А. С. Боткиным.

Уделено было внимание на выставке и теме ссылки. Ее представляла витрина с подборкой фотографий Александровской тюрьмы и ее каторжан. Эта коллекция была собрана для Восточно-Сибирской группы А. П. Сипягиным и на протяжении всей выставки служила предметом особого внимания публики.

Наконец, история развития эксплуатации естественных богатств Сибири туземным населением была бы неполной, если бы на выставке Сибирского отдела не были представлены изделия древней чуди, открывшие минеральные богатства Сибири и ее рудных месторождений. Масса орудий каменного и бронзового веков была найдена в их могильниках на Саянско-Алтайском подгорье. Прекрасная коллекция этих орудий, собранная И. А. Лопатиным, была отправлена на выставку Восточно-Сибирской группой. На выставке также демонстрировались статистические материалы, собранные специально и посвященные исследованию быта кочевого и полуоседлого населения Иркутской и Енисейской губерний – тунгусов, карагасов и бурят острова Ольхона, так и не изученного в ходе экспедиций 1887–1888 гг.

Финальным аккордом выставки стало заключение экспертной комиссии, составленное с целью научной оценки эффективности работы, проделанной местными комитетами при подготовке к Всероссийской выставке. В ходе анализа деятельности Восточно-Сибирского отдела комиссией была признана высокая значимость для российской науки представленных им коллекций. Ученые труды были по достоинству оценены и награждены, а Восточно-Сибирскому отделу Императорского русского географического общества (как, впрочем, и Западно-Сибирскому) присуждена высшая награда.

Конец XIX в. человечество отмечало с особым размахом. В апреле 1900 г. торжественно открылась Всемирная выставка в Париже. От Иркутской губернии активное участие в приготовлениях принимал Восточно-Сибирский отдел ИРГО. Еще в августе 1898 г. отдел по предложению иркутского генерал-губернатора взял на себя сбор коллекций для парижской выставки по программе, присланной сенатором П. П. Семеновым, вице-председателем ИРГО. Исполнение этого поручения было возложено на особую комиссию, которую возглавлял председатель отдела, консерватор музея и

Д. П. Першин. Чиновники из столицы просили сибиряков не ударить в грязь лицом и показать все свои достижения в области промышленности, сельского хозяйства, культуры и науки. Особое внимание устроителей Русского отдела на Парижской выставке просили обратить на природные богатства Сибири. К отправке в Париж готовились коллекции полезных ископаемых и таежных богатств.

Подготовительные работы заняли осень и зиму 1898 г., а на весну и лето 1899 г. выпали главные хлопоты по сбору, сортировке и отсылке экспонатов.

К сентябрю были собраны и отосланы в Петербург следующие экспонаты: глыба нефрита с реки Онона, коллекция образцов лапис-лазури, образцы рассола и соли Усть-Кутского завода, образцы графита с Алиберовского прииска, каменный уголь из Черемхово, соль и вода с озер Широ и Шунеть, образцы древесных пород Иркутской губернии, продукты лесных промыслов, коллекции кедрового промысла, шкуры и чучела птиц и зверей Восточной Сибири, коллекция рыб озера Байкал, неводы, сети и ловушки на рыб, использовавшиеся рыбаками на Байкале, чучело нерпы, нерпичий жир, шкурки нерпы и изделия из них и более 200 фотографий Восточной Сибири.

Отдел предполагал принять активное участие в выставке 1900 г. К сожалению, отведенное изначально место на выставке было значительно сокращено ввиду того, что многие из намеченных к отправке экспонатов так и не были отосланы.

Россия за экспозицию получила 1 589 наград, в том числе 212 высших, 370 золотых медалей, 436 серебряных, 347 бронзовых и 224 почетных отзыва.

Сибирская железная дорога протяженностью в 4 865 верст от Владивостока до Челябинска оставила у посетителей выставки неизгладимое впечатление. Для ее демонстрации было отведено просторное помещение и в нем собрано все, что относилось к сооружению магистрали: карты, виды, планы дороги, модели ее мостов и других сооружений, фотографии, коллекции. Представлен был поезд, составленный из вагонов скорого сообщения Сибирской дороги.

Публика могла размещаться по вагонам, из окон которых развертывались путем особого механизма пейзажи, встречающиеся вдоль всей магистрали. Создавалось впечатление,

будто проезжаешь мимо сел и городов, по мостам и горным центрам; в конце концов, когда поезд останавливается, публика выходит из противоположной двери и попадает в Китай, в Китайский отдел выставки. Неслучайно Министерству путей сообщения и ее Сибирскому комитету организаторы Парижской выставки учредили высшую награду Grand Prix.

Серебряной медалью выставки были отмечены экспонаты Минусинского музея, названного парижанами «Чудом Сибири».

К концу XIX столетия коллекции музея уже насчитывали около 20 тыс. предметов.

Начало XX столетия также ознаменовалось рядом экспедиций, организованных отделом. В 1900–1910-х гг. в музей поступили наиболее ценные коллекции: геологическая, минералогическая и зоологическая коллекции с Косокола от Перетолчина; геологическая – А. В. Львова, Я. Фризера; этнографическая – из Урянхы от Ф. Кона; энтомологическая – от Суетина, большая коллекция по каменноугольной промышленности – от Цетнерович, минералогическая – от А. Детинцева (Хамар-Дабан), геологическая – от В. А. Обручева, зоологическая – от В. Горяева, археологические коллекции – от М. П. Овчинникова, И. А. Кириллова, А. М. Станиловского.

В 1901 г., во время подготовительных работ по устройству юбилейных торжеств у сотрудников отдела возникла идея об устройстве научно-промышленной выставки. Целью выставки ставилось «ознакомление с результатами научных исследований Сибири, с ее естественными богатствами и с состоянием ее промышленности и торговли». Подготовительная работа велась в течение двух лет и только в 1903 г. Проект положения о Сибирской научно-промышленной выставке в Иркутске был утвержден.

Согласно этому проекту для ознакомления с результатами научных исследований Сибири, ее естественными богатствами, состоянием промышленности и торговли ВСОИРГО выступал организатором Сибирской научно-промышленной выставки в г. Иркутске в период с 15 мая по 1 сентября 1905 г.

Основаниями в пользу ее проведения послужили следующие моменты. В жизни Сибири наступала новая эпоха, когда должно было кардинально измениться ее экономическое положение, в связи с прокладкой Великого Сибирского рельсового пути, пронизавшего всю Сибирь и Маньчжурию

от Урала до Тихого океана. Кроме транзитного, огромное внимание уделялось и местному значению. В первую очередь это предрекало рост местной промышленности, ее переход на качественно новый уровень развития.

Другой немаловажный момент – движение переселенцев и связанное с этим землеустройство.

Но не только экономические изменения влияли на жизнь Сибири. Судебная реформа, отмена ссылки, создание университета и технологического института также оказали огромное влияние на ход последующих событий.

В связи с этим для устроителей выставки очень важно было знать, в каком состоянии новая эпоха застанет Сибирь и какие возможности у Сибири есть. Всестороннее изучение богатств и производительных сил страны – вот главный залог успеха в продвижении по новому пути. И нельзя было придумать лучшего начала для этой многосторонней задачи, чем Сибирская научно-промышленная выставка.

Для создания полной картины современного состояния Сибири на выставке экспонировались следующие группы: горного дела и горнозаводской промышленности, лесоводства и лесных промыслов, землеустройства, хозяйства кочевников и полуоседлых инородцев, группы сельского хозяйства, промышленности и торговли, путей сообщения, городского хозяйства, учебного дела, просвещения, врачебного дела, благотворительности, тюрьмы и ссылки, переселенческого дела, словом всего, в чем могли бы выражаться естественные богатства государства и деятельность его населения.

Местом проведения выставки стала территория, принадлежавшая ВСОИРГО, прилегающая к ней часть Большой улицы и территория, предназначенная под сквер и памятник императору Александру III.

Проведение выставки потребовало немалых денежных затрат около 40 тыс. руб. И здесь неоценимую помощь в сборе средств оказал генерал-губернатор А. И. Пантелеев.

В целом, несмотря на ряд трудностей, реализация задуманного оказалось весьма успешным и плодотворным, что впоследствии послужило поводом для поступления ряда настоячивых предложений об организации постоянной выставки с целью ознакомления населения с производительными силами Сибири.

Одновременно, по примеру прошлых лет, музей, не прекращая, работал в сфере организации лекций, каждое воскресенье устраивались лекции и объяснительные чтения с демонстрацией диапозитивов, проводились экскурсии, открывались художественные и фотографические выставки. В это же время было открыто особое отделение учебных пособий по естественным наукам, истории и технике. Коллекции этого отделения отличались мобильностью и выдавались во временное пользование в учебные заведения для публичных чтений и для целей самообразования.

Повествуя о научно-просветительной деятельности музея, нельзя не отметить неутомимую работу таких деятелей, как А. М. Станиловский, Д. Першин, В. Б. Шостакович, Н. П. Гаярев, М. П. Овчинников, В. Копылов.

В 1907 г. при музее создается особая музейная комиссия, в обязанности которой входили все заботы об улучшении фондов библиотеки и музея, составлении списков коллекций, каталога библиотеки и музея и путеводителя по музею, призванного помочь публике, посещающей музей, лучше ознакомиться с его коллекциями. Комиссия должна была по мере возможности путем организации платных чтений и другими способами заботиться об увеличении средств музея, а также руководить работами консерватора музея.

Из проделанного музейной комиссией можно упомянуть: приведение в порядок и разборку по семействам В. Ф. Поповым гербария балаганской флоры, собранного Н. И. Мальцевым и определенного Литвиновым (Академия наук), работу Аккерер, приводившей в порядок под руководством С. А. Щеголькова коллекции насекомых, работу В. Ч. Дорогостайского над определением и каталогизацией птиц и обработкой материалов по семейству хищников, работу К. Ф. Егорова по составлению коллекции сибирских минералов, работы Н. Н. Кармазинского, Ф. И. Солдатова, П. П. Лопатина и Б. Л. Биржанского по проверке коллекций этнографического зала. Консерватор музея проверял старые определения и снабжал новыми этикетками коллекцию млекопитающих.

Согласно документам, к 1 января 1913 г. музей располагал следующими коллекциями:

- 1) по зоологии – 3358 предметов;
- 2) по ботанике – 2890 предметов;

- 3) по геологии и палеонтологии – 7680 предметов;
- 4) по этнографии – 8470 предметов;
- 5) по археологии – 1665 предметов;
- 6) по нумизматике – 815 предметов.

Период 1910–1920 гг. обогатил музей весьма ценным гербарием из различных районов Восточной Сибири: от Д. Першина (из Монголии), Р. Беляева (Иркутская губерния), И. В. Ларина и А. В. Боголепова (Иркутская губерния, Забайкалье и Якутская губерния), Г. Каневского и И. Х. Петелина (Иркутская губерния). В это же время в музей поступают богатые этнографические коллекции от Н. И. Бавли из Китая и Монголии, от М. П. Трубачевой, М. Н. Хангалова и П. П. Баторова по материальной культуре и шаманству бурят и этнографическая коллекция из Якутской области от А. В. Боголепова. Много экспонатов было пожертвовано беженцами и офицерами колчаковской армии.

К концу 1920 г., когда музей ВСОРГО перешел в ведение Восточно-Сибирского исследовательского филиала Сибоно; а через некоторое время в ведение отдела народного образования Иркутского губернского исполнительного комитета, его коллекции уже состояли из внушительного перечня категорий:

1. *Ботанические коллекции*, состоящие из гербария мхов, лишайников, грибов, водорослей, семян и др., характеризующих флору Восточной Сибири, Монголии, Дальнего Востока и частично Туркестана. Гербарии в большинстве случаев определены специалистами.

2. *Зоологические коллекции* по позвоночным и беспозвоночным животным. Первая зоологическая коллекция начала формироваться в 80-х гг. XIX столетия. Многочисленные экспедиции, отправляемые Петербургской академией наук для освоения новых земель, останавливаясь в Иркутске, пополняли фонды музея. С 1876-го по 1893-й г. по поручению ВСОРГО Г. Н. Потанин совершил экспедиции в Центральную Монголию, Восточный Тибет и Китай, где собрал огромное количество естественно-научного материала. Участник этих экспедиций зоолог М. М. Березовский за три года работы стал автором коллекции, насчитывавшей 1400 экземпляров чучел птиц, среди которых можно было найти немало редких и экзотических, часть из них по сей день хранится в фондах музея: гималайский монал (*Lophophorus impejanus*), тибет-

ский улар (*Tetraogallus tibetanus*), золотой фазан (*Thaumalia picta*), пегий зимородок (*Ceryle lugubris*). Из известной Ганьсуйской экспедиции он привез уникальные коллекции гнезд, яиц, коллекции рептилий и земноводных.

Фауна Байкала представлялась голомянкой, бычками, губками, ракообразными и другими, характерными для этого озера формами.

Из остеологических коллекций наиболее интересны: части скелета сивуча, медведя, нерпы и других животных; а также совсем уникальные экспонаты, среди которых были: 16 черепов и 8 рогов шерстистого носорога; череп, два полных бивня и множество костей мамонта; рога ископаемого гигантского оленя; 4 полных черепа и множество костей первобытного бизона. Отдельного внимания заслуживают найденные в 1879 г. Н. А. Гребницким 56 костей (что составляло два неполных скелета) морской коровы (*Hydrodamalis gigas*). Эти животные впервые были обнаружены членами экспедиции В. Беринга и описаны Г. Стеллером. В 1760-х гг. их полностью истребили.

3. *Геологические коллекции* заключали в себе разнообразные минералы и полезные ископаемые, окаменелости, характеризующие Восточную Сибирь, Якутскую область, Монголию, Урянхайский край, Саяны, Енисейский край, частично Урал. Наиболее ценны коллекции по золотой и каменноугольной промышленности. Этот отдел снабжался многими фотографиями, чертежами, диаграммами и прочими пособиями.

Наиболее интересными являлись коллекции В. А. Обручева, собранные в 1890-е гг. в Забайкалье; большая коллекция слюды-мусковита и изделий из нее; железные руды; камнецветное сырье Прибайкалья и Восточных Саян; коллекция каменных и бурых углей Иркутской губернии; пробы нефти из крупнейших месторождений.

4. *Археологические коллекции* представлялись палеолитом, неолитом, бронзой и железом. Палеолит формировали коллекции со стоянки Верхоленская Гора М. П. Овчинникова, неолит – коллекции костяной и кремневой индустрии, нефритовые изделия, керамика и другие материалы, в значительной степени ясно отражающие новокаменный период Прибайкалья. Особенно ценны были материалы из раскопок Китайских и Глазковских могильников, открытых в 80-е гг.

XIX в. Н. И. Витковским. Результаты его работ произвели переворот во взглядах современных ученых, считавших, что в Сибири не существовало каменного периода.

Коллекции археологического нефрита являлись одними из самых крупных в России. Это украшения и орудия труда из белого и зеленого нефрита, составлявшие погребальный инвентарь могильников каменного и бронзового веков.

Бронзовый период представлялся разнообразными предметами обихода, вооружения, культа, искусства из Минусинского края и Восточной Сибири: железный период – разнообразными коллекциями (орудиями, керамикой, украшениями, предметами земледелия и т. п.) из различных мест Восточной Сибири и Монголии. Особенно ценны предметы из раскопок Баллода по реке Хара в Монголии.

Наиболее яркой страницей в археологии Восточной Сибири является открытие в 1928 г. М. М. Герасимовым палеолитической стоянки Мальта на реке Белой. Археологический материал – резные женские статуэтки, изображения животных, украшения и реконструкции палеолитических жилищ – вошел в анналы мировой археологии.

Таким образом, многие археологические коллекции пополнялись за счет материала, привозимого из экспедиций Г. Н. Потаниным, Н. И. Витковским, Д. Клеменцем, В. П. Сукачевым, в более поздние сроки – А. П. Окладниковым, М. М. Герасимовым.

5. *Антропологические коллекции* можно было разбить на две группы: а) материал из раскопок погребений новокаменного и железного периодов, б) материал случайный. Черепов неолита в экспозиции насчитывалось около 29, все они в большинстве своем были доставлены М. П. Овчинниковым из окрестностей Иркутска, И. Кирилловым из Тунки и Н. И. Витковским из раскопок Китайского могильника.

Китайские погребения, обнаруженные Н. И. Витковским, как известно, обратили на себя внимание не только российских, но и европейских ученых и послужили темой докладов на V съезде археологов в 1882 г.

Кроме того, в этом отделе находилось около 40 черепов бурят, тунгусов, якутов и представителей других народностей Восточной Сибири.

6. *Этнографические коллекции* начали формироваться с первых лет основания музея. Экспонаты приобретались в основном двумя способами: благодаря добровольным пожертвованиям частных лиц и в ходе экспедиций сотрудников отдела. Начало целенаправленному сбору коллекций положили в XIX в. известные исследователи Азии: Р. К. Маак, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. Г. Гомбоев и др., благодаря которым в музее находятся самые крупные в Сибири коллекции по этнографии бурят, эвенков и сойотов. Коллекция по этнографии русских формировалась в основном в XX в.

В начале 1920-х гг. первоочередными задачами хранителей становится проверка всех инвентарных списков и сверка с ними коллекций, а также атрибутация коллекций по шаманизму, определение по литературе и со специалистами этнической принадлежности ряда коллекций. В 1920-м г. были зарегистрированы коллекции, собранные в 1883–1887 гг. Кириловым, Агапитовым, Хангаловым, Михайловым по шаманизму. В 1924–1925-х гг. проводилась работа по описанию коллекций Ф. Кона, Богораза, архива Ядринцева. В бурят-монгольском отделе в течение 1924 г. предполагалось «...произвести полную регистрацию коллекций, так как большая часть монголо-бурятской коллекции, поступившая в отдел в 1924 г. из отдела туземцев, не была зарегистрирована»¹⁷. И даже спустя два года А. М. Попова отмечала: «Прежде чем заняться обработкой накопленного культурного богатства, необходимо точно и ясно представить себе состояние отделов и в первую очередь по возможности исправить все недочеты, имеющиеся в том или ином отделе»¹⁸.

Другой не менее важной задачей было пополнение фондов.

В заявке хранителя бурят-монгольского отдела П. Г. Полтораднева на поездку в Тункинский аймак БМАССР в 1927 г. отмечалось: «В данное время в отделе чувствуется большой пробел в предметах, характеризующих охоту, рыболовство, земледелие, кедровый промысел и др. Изучение занятий бурят – экономических предпосылок культурного развития

¹⁷ План работ по монголо-бурятскому отделу Иркутского научного музея на 1924–1925 гг. Годовые планы и отчеты музея на 1924–1925 гг. //Фонды ИОКМ. № 9904. Д. 1.

¹⁸ План работы по отделам: русскому, японо-китайскому и туземцев Сибири с 1 января 1927 г. // Фонды ИОКМ. № 9904. Д. 7.

народности, а также и пополнение бурят-монгольского отдела соответствующими коллекциями должно быть одной из первоочередных задач музея на ближайшие годы. Невыполнение этой задачи поставит бурят-монгольский отдел в положение одностороннего, неспособного дать полного, хотя бы относительно, отображения быта бурятского народа»¹⁹.

В отделе туземцев Сибири были представлены следующие народности: тунгусы, якуты, чукчи, алеуты, айны, юкагиры, коряки, качинские татары, сойоты. Основная масса материалов по этнографии данных народностей была собрана в конце XIX–начале XX в. «Настоящий момент требует срочного пополнения коллекциями, так как экспонаты отдела не могут вполне удовлетворить требования посетителей. Не могут ясно и полно осветить жизнь той или иной народности. Особенно сильно сказывается необходимость приобретения коллекций по карагасам», – отмечала А. М. Попова²⁰.

По численности этнографические коллекции в 1927 г. распределялись следующим образом: бурят-монгольский отдел – 513 коллекций, 2135 предметов, русский отдел – 102 коллекции, 581 предмет, китайско-японский отдел – 250 коллекций, 1316 предметов, отдел туземцев Севера – 438 коллекций, 1997 предметов. В каждом отделе были неучтенные предметы²¹. В «Кратком путеводителе по музею» этого же года указывается: в бурят-монгольском отделе хранится более 3 тыс. предметов, в туземном – до 7 тыс. предметов. Менее всего была представлена этнография русских: в отделе в основном находились предметы быта семейских.

Большую ценность имели коллекции по шаманству якутов, тунгусов и бурят, а также коллекции по ламаизму. Дело в том, что одной из самых многочисленных народностей Сибири являлись эвенки. На юге Иркутской области в труднодоступном районе Саян проживала одна из самых малочис-

¹⁹ Заявка хранителя бурят-монгольского отдела на поездку в Тункинский аймак БМАССР от 1 сентября 1927 г. Годовые планы работ отделов музея на 1927–1928 гг. //Фонды ИОКМ. № 9904. Д. 8.

²⁰ Краткий отчет отдела туземцев Сибири Иркутского государственного научного музея от 21 мая 1926 г. Планы работы музея на девять месяцев 1927 г. и отчеты о работе отделов за 1925–1926 гг. //Фонды ИОКМ. № 9904. Д. 7.

²¹ Приемо-сдаточный акт за 1927 г. //Архив ИОКМ. Д. 22.

ленных народностей Сибири – тофалары, или карагасы (в переводе с тюркского «черная кость»).

Ассимиляция пришлых монгольских племен и коренного тюркоязычного населения положила начало формированию бурятской народности. Этот процесс в основном завершился в XVII в. По вероисповеданию эти народности были шаманистами. Мировоззрение шаманства стало основой формирования обширных коллекций по этнографии народов Сибири и коллекций культовых предметов шаманизма и ламаизма. Для освещения сибирского шаманства необходимо было обобщение материалов – как теоретических, так и данных о коллекциях музеев. Коллекция культовых предметов была самой большой в Восточной Сибири. История ее формирования начиналась с конца XIX века. В музее по сей день хранится одна из самых больших коллекций шаманских костюмов народов Сибири. Шаманские костюмы, как материализованное выражение религиозных воззрений, представляли огромную ценность. Техника изготовления их практически одинакова, что давало возможность сопоставить представление о мире у разных народов Сибири. Помимо костюмов, была собрана большая коллекция онгонов, различных культовых предметов, которые необходимы шаману во время обрядов. Собирались коллекции на территории Якутии, Дальнего Востока, Восточной Сибири, Монголии. Поэтому изучение данной коллекции позволяло говорить о единстве и различиях в мировоззрении народов.

Наивысший подъем в комплектовании приходится на 1927–1930-е гг. В 1926 г. по смете для бурят-монгольского отдела на экспедицию в Тункинский аймак закладывалось 500 руб., только на приобретение коллекций предполагалось истратить до 300 руб. По смете 1927 г. П. Г. Полтораднев запрашивает на экспедицию в Тункинский аймак 200 руб., в числе которых 100 руб. – на приобретение коллекций. Из 232 экспонатов, привезенных им из командировки, половина куплена на деньги музея. Из госбюджета на экспедицию 1928 г. в тот же аймак П. Г. Полторадневу выдано 100 руб. 90 коп. и из местного бюджета – 369 руб. 96 коп. Им собирается огромная коллекция по быту и религии бурят и сойотов – более 700 предметов, т. е. почти треть существующей коллекции.

В 1930-м и 1931-м гг. снаряжается комплексная экспедиция от ОИВС, в ее составе выезжают на Нижнюю Тунгуску П. Г. Полтораднев и П. П. Хороших. Ими собрано около 200 предметов быта эвенков.

Отличительной чертой комплектования фондов в конце 1920-х–начале 1930-х гг. было то, что большие коллекции фарфора, обуви и др. передавались фабриками и заводами, различными организациями. По обмену в 1928 г. поступила большая коллекция фарфора, медалей, кружев из Ленинградского обменного фонда. В этом же году по заданию ОХРИС вывозились экспонаты из Верхоленского музея и из музея университета.

Коллекции, собранные в конце 1920-х – начале 1930-х гг., наиболее многочисленные из всех поступлений в музей. Работа над историей комплектования фондов в этот период продолжается.

7. *Фотографии и рисунки.* Фотографические снимки, портреты, диапозитивы составляли большую ценность для музея. Они охватывали разнообразные стороны жизни, хозяйства и верований русского и туземного населения Восточной Сибири. Наиболее полно обзревалась жизнь бурят и русских старожилов. Интересны также виды Иркутска, орнамента забайкальских бурят и рисунки по доисторическому прошлому края.

8. *Старинное огнестрельное и холодное оружие* представлялось коллекцией пицалей, самопалов, пистолетов различных систем, пушками XVIII столетия, шлемами, кольчугами, шишаками и другими предметами вооружения.

9. *Нумизматические коллекции* состояли из русских и иностранных монет, жетонов, билетов и прочих предметов.

Наконец, в музее в это время хранилось богатейшее собрание образцов монгольской народной словесности: исторических, географических сочинений; альбомов на монгольском и тибетском языках.

Из этого краткого перечисления коллекций видно, какую огромную ценность для изучения Восточной Сибири они представляли.

Особой гордостью музея была его научная библиотека, которая основана еще в 1851 г. Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества. В ее фонд входили

книги, газеты, журналы, составляющие на сегодняшний день 89 186 экземпляров.

Комплектованием библиотеки до 1936 г. занимались члены Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, ученые, путешественники, купцы, священнослужители. В библиотеке хранилось до 30 % книг с автографами известных людей, ученых и путешественников, книги датировались, начиная с XVIII в. Иностраный фонд комплектовался за счет обменных операций ВСОРГО с научными обществами таких стран, как Англия, Германия, Франция, Канада, Австралия и др. После 1917 г. обмен происходил за счет Общества культурных связей с заграницей.

Основным профилем комплектования библиотеки являлась сибирика.

Библиотека обслуживала не только научных сотрудников музея, но и читателей Иркутска и других городов России. Сотрудники библиотеки проводили планомерную работу по изучению своих фондов, выявляли интересные коллекции.

На заседании 17 ноября 1851 г. в губернаторском доме под председательством Н. Н. Муравьева был сделан заложивший основу создания библиотеки дар от первого Правителя дел ВСОРГО Ю. И. Штубендорфа в 25 экземпляров книг на русском и иностранном языках. Так было положено начало первой научной библиотеке в Сибири.

Большой интерес в этом списке представляли семь томов описаний путешествия С. Палласа, путешествия К. Ф. Ледебура на Алтай (с атласом) и др. После большого иркутского пожара 1879 г. от первой коллекции остался лишь атлас растений К. Ф. Ледебура. Вся библиотека в 10 227 томов погибла. Навсегда утраченными оказались некоторые редкие рукописные материалы. Лишь спустя 10 лет удалось количественно восстановить библиотеку. К 1889 г. на полках стояло уже 10 082 экземпляра книг. За эти же годы были восстановлены и книги С. Палласа из первого дара Ю. И. Штубендорфа.

История библиотеки всегда была тесно переплетена с деятельностью Восточно-Сибирского отдела, поскольку члены отдела приложили максимум усилий к воссозданию ее фондов. К концу XIX века эта библиотека, несмотря на понесенные утраты, стала уникальной по собранным материалам о Сибири. Работами в библиотеке занимались правитель дел,

сотрудники отдела, ученые, а позднее заботы о комплектовании и учете книжных материалов напрямую входили в обязанности консерваторов музея.

Должность консерватора музея была введена в 1872 г., первым консерватором стал известный геолог И. Д. Черский. Многие члены отдела, его покровители, ученые, путешественники и купцы, политссылные принимали самое деятельное участие в пополнении фондов библиотеки, в оформлении ее рабочего распорядка.

Консерватор музея Н. Витковский построил здание музея и составил «Правила пользования библиотекой ВСОРГО»; народоволец И. И. Попов не только комплектовал библиотеку, но и дарил целые коллекции книг. Книги с ярлыками из его собрания хранятся в редком фонде библиотеки. Уехав из Иркутска, И. И. Попов не терял связи с отделом и подарил в 1924 г. библиотеке свои воспоминания «Минувшее и пережитое».

Яркий след в истории библиотеки оставили и многие другие консерваторы музея, такие как А. Станиловский, В. В. Шостакович. Нельзя не отметить заслуг ученых Д. Клеменца, М. Загоскина, П. Потанина, В. Обручева и др. Они определяли направления в ее комплектовании, заполняли бреши того или иного раздела науки, спеша составить списки на недостающую литературу, не забывая при этом подарить в фонды очередную свою статью, научный труд. А некоторые из них, такие как В. А. Обручев, который с 1895-го по 1898-й был правителем дел, проделали колоссальный библиографический труд по составлению каталогов на издания ВСОРГО. Будущий академик В. А. Обручев неизменно дарил свои труды библиотеке, оставив после себя в ее фондах огромную подборку своих работ.

Посильную помощь библиотеке оказывала местная администрация, внесшая большой вклад в деятельность отдела. Известно, что генерал-губернатор Н. М. Муравьев-Амурский не только открыл отдел, но и, несмотря на свои многочисленные обязанности, уделял ему много внимания, не забывая об отделе в своих поездках по краю и способствуя собиранию материалов. Отчеты ВСОРГО фиксируют его множественные личные дары библиотеке, например «Статистическое обозрение Сибири» Ю. Гегемейстера и др.

После Муравьева такое же покровительство отделу оказывал генерал-губернатор М. С. Карсаков. Интересно, что в фондах библиотеки обнаружена целая коллекция редких книг на русском и иностранном языках, по-видимому из библиотеки его отца, Карсакова С. С. Вероятно, не стоит удивляться, что генерал-губернатор не только собирал в поездках по краю вещи и оружие разных народностей, но еще и способствовал всем научным изысканиям отдела. Ни одно исследование в отделе, интересующее правительство, не обходилось без его посильной помощи. Не раз он обращался в Министерство финансов с просьбами о ежегодном субсидировании отдела суммой в 10 тыс. руб., поскольку было тяжело проводить работы без материальной поддержки, но... терпел поражение. Тех 600 руб., которые давала городская управа, явно не хватало. Поэтому взносы членов отдела, пожертвования купцов, меценатов были основной частью материальной поддержки общества.

С приходом в отдел в 1861 г. на место правителя дел начальника штаба Восточной Сибири Болеслава Казимировича Кукеля «Записки» отдела начали издаваться в Иркутске, а не в Санкт-Петербурге. Это он договорился с типографией Военного штаба, где имелась скоропечатная машина, и решил рецензировать статьи научными силами Иркутска. Б. К. Кукель заострил внимание на публикациях материалов по народным обычаям, местным песням, сказкам, преданиям народов Сибири, наречиям коренных сибиряков, малороссов, поляков, великороссов, казаков, инородцев, ссыльных разного рода. С этой целью он отправил в экспедицию по Иркутской губернии и Балаганскому округу члена отдела Н. В. Утарова. Результаты работы не замедлили сказаться, о чем свидетельствуют статьи «Записок» отдела.

Стараниями генерал-майора, начальника артиллерии Восточно-Сибирского военного округа, правителя дел Л. П. Софиано была усилена просветительская деятельность отдела. Это он решил расширить число лекций, экскурсий, публикаций. С этой целью вместе с «Записками» стали издаваться «Известия» ВСОРГО. Ему удалось сгруппировать вокруг отдела лучших людей. Издания отдела имели широкое распространение.

«Труды», «Известия», «Записки», монографии, пополнявшие библиотеку, включали в себя интереснейшие материалы, не потерявшие своей ценности до настоящего времени. Большую роль в пополнении коллекций библиотеки сыграл Ф. Ф. Буссе – один из видных сибирских деятелей. Ф. Ф. Буссе так любил отдел, что, даже уехав в Петербург, все равно продолжал заботиться о процветании любимого учреждения и в столице собирал пожертвования для библиотеки отдела. Именно Ф. Ф. Буссе удалось приобрести для отдела многотомную библиотеку геолога Эйхенвальда. К сожалению, разрушительный пожар 1879 г. уничтожил это приобретение. Большую роль сыграл Ф. Ф. Буссе в налаживании обмена с научными обществами разных стран, что обогатило библиотеку трудами на иностранных языках по различной тематике: это путешествия, статистика, география, этнография, ботаника и другие науки.

Таким образом, все трудившиеся в отделе считали своим долгом способствовать росту фондов библиотеки. Поэтому они дарили ВСОРГО как отдельные книги, так и целые коллекции и библиотеки. Постепенно, в течение более ста лет, составлялись интересные тематические и персональные коллекции. Из тематических можно назвать коллекцию учебников петровского времени, старопечатные издания, коллекции академических путешествий и путешествий известных ученых ВСОРГО и др.

На заре деятельности отдела в книгохранилище поступила коллекция одного из замечательных путешественников, директора народных училищ Иркутской губернии Р. К. Маака, совершившего три экспедиции: Виллюйскую, Амурскую, Уссурийскую. Материалы этих экспедиций, опубликованные отделом, хранятся в библиотеке.

Купечество также не отставало от ученых в жертвованиях. Известно, что с самого основания отдела купцом С. С. Поповым была пожертвована для ВСОРГО личная библиотека в 1 304 экземпляра книг, которая сгорела в иркутском пожаре.

Не раз покупку книг оплачивали купцы Сибиряковы, они же дарили книги. Например, А. М. Сибиряков подарил целый комплект журналов «Русское судоходство» с 1902-го по 1903-й г. и три книги на иностранных языках.

Братья Бутины, тесно сотрудничавшие с отделом, подарили библиотеке прекрасные материалы: два рукописных атласа о поисках новых торговых путей: в Китай, Монголию, другие книги, такие как «Сибирь, ее дореформенные суды и нужды».

Купец А. А. Белоголовый в 1888 г. подарил ВСОРГО 11 газет на китайском языке. Он часто жил в Тяньцзине, вел большие торговые дела с Китаем. Коллекция редких изданий с печатями его отца, А.В. Белоголового, также была подарена библиотеке.

Купец И. П. Малков подарил целую коллекцию книг и комплект газет «Восточное обозрение» с 1882-го по 1886-й г. Кяхтинское купечество преподнесло 490 томов на китайском языке.

Список купцов-благотворителей, помогавших пополнению коллекций, можно продолжать бесконечно. Среди членов отдела было немало священнослужителей, которые внесли большой вклад не только в комплектование фондов библиотеки, но и в изучение таких религиозных тем, как шаманизм и буддизм. Так, преподаватель Иркутской духовной семинарии протоиерей И. А. Подгорбунский составил целый курс лекций о буддизме, его истории, основных положениях. Позднее под этим же названием они были изданы в «Трудах» ВСОРГО в 1910 г.

Другой священнослужитель, иеромонах Алексей, передал в дар библиотеке 8 томов «Описания видных провинций Китая», редкого издания с собственными автографами. Эти книги были включены в новый, изданный в 1995 г. каталог китайских и маньчжурских книг в Иркутске, над созданием которого трудились сотрудники библиотеки музея и Института востоковедения Санкт-Петербурга.

Интересна выявленная коллекция книг преподавателя Иркутского девичьего института Анатолия Павловича Детищева, погибшего в 1914 г. во время экспедиции на Хамар-Дабан. Чрезвычайно скромный и талантливый человек, он не жалел средств на книги. Книжная коллекция, переданная в музей женой после смерти ученого, создала солидный отдел геологической и минералогической литературы в фондах библиотеки. О принадлежности этой коллекции А. П. Детищеву свидетельствуют ярлыки «Из собрания книг Детищева».

Среди подарков в фондах немалое количество составляли картографические материалы, в том числе редкие карты. Многие из них изготовлялись непосредственно самими путешественниками и учеными, часть публиковалась в «Известиях» ВСОРГО. Так, А. П. Богословский подарил ВСОРГО топографическую карту юго-восточной части Забайкальской области. Автор роскошной карты Чжилийской губернии с планом Пекина и некоторых других городов, Вебер подарил свой труд Г. Потанину во время путешествия последнего по Монголии. В свою очередь Г. Потанин подарил ее библиотеке. Хранятся в библиотеке и рукописная карта Западной Сибири Н. М. Ядринцева, карты И. Черского, Г. Чекановского и др.

Значительную роль в деятельности отдела играл в 1910–1913 гг. сибиревед-статистик Иван Иннокентиевич Серебренников. Он сотрудничал с сибирскими либеральными периодическими изданиями, был Правителем дел ВСОРГО. Серебренников передал в дар музею немало вещей, таких как медные иконы и кресты, «Метрическую книгу Манзурского прихода» начала XIX века. Кроме того, он безвозмездно делал для отдела картограммы и диаграммы, в которых излагались статистические материалы по различным вопросам. В фондах до сих пор хранится часть его библиотеки. Долгое время она не была записана в инвентарь по известным причинам: в годы гражданской войны И. И. Серебренников был министром снабжения во Временном сибирском правительстве, в 1920 г. эмигрировал в Китай, затем – в Чехословакию, а на каждой книге библиотеки был его автограф. Состав библиотеки очень ярко характеризует интересы и пристрастия собирателя. В ней много трудов по экономике, сельскому хозяйству, статистике, истории. Самим И. И. Серебренниковым написано немало работ с диаграммами и таблицами. Особенно большой интерес представляют его исследования исторических памятников Иркутской губернии, а также такие работы, как «Посевная площадь и урожай хлебом в Иркутской губернии», «Земледельческая Сибирь», «Распространение слепоты среди сибирских инородцев» и др.

Так постепенно собиралась музейная библиотека. Все собиратели библиотеки: чиновники, ученые, путешествен-

ники, краеведы, священнослужители – совершали кропотливую тяжелую, но очень важную по своей значимости работу.

После революции 1917 г. комплектование фондов библиотеки продолжилось. Хотя цели и задачи ВСОРГО не изменились, с открытием в Иркутске университета перемены коснулись состава членов отдела влилась новая струя из профессорско-преподавательского состава университета и студенчества. Изменился и состав читателей библиотеки. В это время в Иркутске существовала только одна научная библиотека – библиотека ВСОРГО. Поэтому РК принял решение изменить некоторые правила пользования библиотечными фондами. Был включен пункт о выдаче из библиотеки книг для научных работников университета до 20 названий вместо 5 по старым правилам. Изменился и национальный состав читателей за счет увеличения числа студентов из бурят и якутов.

Установилась тесная связь университета с музеем ВСОРГО и его библиотекой. Организуя работу со студентами, преподаватели – члены ВСОРГО – пользовались материалами, хранящимися в фондах музея и библиотеки.

Созданная при отделе библиографическая секция работала над подготовкой библиографических указателей. Уже в 1924 г. вышел интересный указатель П. П. Хороших о якутах. Помогала в составлении его заведующая библиотекой отдела А. Н. Кузнецова. А. Н. Турунов составлял биобиблиографический словарь научных работников. Позднее к этой работе подключились М. К. Азадовский и Г. С. Виноградов. РК было принято решение установить связи с Книжной палатой и с Институтом книговедения.

Следует напомнить, что для отдела первые послереволюционные годы были очень тяжелыми. РК, и особенно правителю дел А. Н. Топорнину, приходилось бороться за право ВСОРГО на существование. У отдела пытались отобрать землю, здания, коллекции музея и уникальную библиотеку. Все это пытались передать другим учреждениям, в частности Академии наук, или в Новониколаевск, во вновь открывающиеся институты. Особенно тяжелый груз в отстаивании иной точки зрения на этот вопрос лег на членов отдела А. Н. Топорнина, А. Н. Турунова, П. К. Казаринова, которые доказывали новым

органам власти ценность и целесообразность существования музея ВСОРГО и его библиотеки в Иркутске.

Как мы уже знаем, в 1922 г. музей ВСОРГО был передан Главнауке, затем Наркомпросу. Библиотека же вплоть до 1936 г. оставалась в ведении ВСОРГО. Поэтому чаще всего заседания отдела проводились именно в здании библиотеки. Здесь же хранился и архив отдела. В начале 1930-х гг. начались преобразования, в результате которых библиотека перешла в ведение сначала ВСГО, а затем ОИВС. В 1936 г. она была передана Иркутскому областному музею.

В библиотеке в 1920-е гг. проходили в основном занятия служебного характера, и сама библиотека была открыта для читателей лишь по 2 часа в день. Заведующая библиотекой А. Н. Кузнецова входила в состав библиотечного комитета под председательством А. Н. Турунова. И вообще, деятельность библиотеки невозможно отделить от деятельности ВСОРГО. Сотрудники библиотеки были в центре этой работы. Как члены отдела, так и работники библиотеки читали в городе лекции, руководили краеведческими кружками во многих учреждениях, в том числе и в школах, устраивали чтения и экскурсии в музее.

Придавалось большое значение укреплению связей с научными и краеведческими организациями. Исключительное внимание уделялось в 1923–1925 гг. расширению и установлению правильного книгообмена не только с иностранными научными обществами, но и с краеведческими организациями России и Сибири. Чтобы увеличить количество распространяемых изданий, в их адреса высылались «рекламные» материалы – обложки журналов, сборников, оттисков. Только за 1924 г. РК направил свои издания в адрес 100 различных научных организаций и отдельных исследователей. Однако следует отметить, что даже такие меры не всегда давали положительные результаты. Не удалось вступить в книгообмен, например, с дальневосточными организациями. Но значительное большинство сибирских краеведческих организаций присылало свои издания в обмен – это Чита, Красноярск, Новониколаевск и др.

Связь с центральными краеведческими организациями страны ВСОРГО осуществлял через московское представительство в лице бывшего правителя дел А. Н. Топорнина и

М. В. Муратова. Отдел был постоянно в курсе краеведческой работы центра, распространял в Москве свои издания и получал издания путем книгообмена в свою библиотеку. Большую роль играли и частные поездки членов отдела, благодаря которым библиотека интенсивно пополнялась краеведческой литературой.

Кроме обмена, ученые дарили библиотеке не только свои труды, но и книги из своих библиотек. Так, в 1922 г. из библиотеки Кармазинского поступило 64 экземпляра книг, из собрания А. Н. Турунова – 53. Последним же в библиотеку были переданы шесть копий с монгольских рукописей, посвященных хоринским бурят-монголам. Только за 1927–1928 гг. библиотека пополнила свои фонды на 60 % за счет краеведческой литературы. Большой процент составляли издания в единичных экземплярах, подаренные библиотеке разными лицами. Пополнялась библиотека и за счет собственных изданий ВСОРГО, которые вскоре после выхода в свет становились библиографической редкостью.

В библиотеке, например, хранится уникальный экземпляр однодневной газеты под названием «Краеведческий труд», выпущенной 23 ноября 1924 г. оргбюро 1-го Восточно-Сибирского краеведческого съезда. Газета достаточно полно отразила цели и задачи краеведов региона. Передовая статья П. К. Казаринова, члена РК ВСОРГО, была посвящена ближайшим задачам, стоявшим перед ними. Была опубликована программа предстоящего съезда. Помещена статья директора музея Я. Ходукина, рассказывающая, какой должна быть организованная краеведческая выставка. «Выставленные экспонаты, – писал он, – должны ярко характеризовать проделанную краеведами работу. Самыми желанными гостями на выставке поэтому будут не только экспонаты, но и карты, диаграммы, рисунки, таблицы, фотографии, модели, доклады, отчеты, рефераты, дневники и др.». В этой же статье автор придает большое значение музеям, где особенно широко должна быть развернута работа по краеведению. Группа авторов опубликовала статью «Краеведение – путь к хозяйственному возрождению страны». Напечатаны были также материалы «Изучение края в работах госорганов, хозяйственных организаций и кооперации», «Краеведение и молодежь», статьи председателя ЦБК С. Ф. Ольденбурга и

Д. Святского. Материалы газеты ставили многие важные вопросы в преддверии краеведческого съезда.

Большую помощь оказывали работники библиотеки многим экспедициям, предварительно подбирая им соответствующую литературу о тех местах, куда они отправлялись. Так было с Байкальской экспедицией Академии наук в 1930 г. То же сделали работники библиотеки при запросе материалов для Государственного рыбопромышленного треста Восточной Сибири и т. д.

Не раз библиотека за эти годы участвовала в организации выставок как в Иркутске, так и в центре. За один только 1924 г. на выставки библиотекой было выдано до 480 экземпляров книг.

Объединенными усилиями всех библиотек города была организована выставка «Национальная книга Восточной Сибири», где большую долю книг представила библиотека ВСОРГО. На выставке была представлена научная, художественная и критическая литература на языках народов Сибири. Сюда вошли книги бурятских, якутских прозаиков и поэтов, как ранних, так и современных. Выставка получила широкий отклик среди общественности. Большая книжная выставка из изданий ВСОРГО была организована на научно-исследовательском съезде в Новониколаевске, как, впрочем, и на многих других научных мероприятиях, в которых отдел принял участие.

В едином порыве дать прибывшим на Съезд краеведам и местному населению наглядное представление о той работе, которая велась и ведется в области изучения местного края, Организационным бюро по созыву 1-го краеведческого съезда была поставлена задача о скорейшей организации и проведении краеведческой выставки.

Выставка эта, по замыслу устроителей, должна была носить отчетно-пропагандистский характер и дать ответ на следующие вопросы:

1. Что сделано в области исследования края?
2. Как была проделана эта работа?
3. Что предстояло в этой области сделать?
4. Как следовало вести эту работу в будущем?

Это задание в целом могло быть выполнено при условии широкого участия в выставке всех местных научно-

исследовательских и хозяйственных организаций. К сожалению, в полной мере привлечь эти организации так и не удалось. В то время как научно-исследовательские учреждения охотно пошли на призыв Организационного бюро, хозяйственники остались глухи к этим призывам, несмотря на многократные обращения к ним и через печать, и через личные переговоры.

В конечном итоге экспонаты были представлены следующими организациями: Губернским отделом народного образования (с п/о Соцвос, Политпросвет), Государственным университетом (все факультеты), Биолого-географическим институтом, ВСОРГО, Научным музеем, Музеем революции, Сейсмической станцией, Метеорологической обсерваторией, Лено-Байкальской партией, Статбюро, Губземотделом, Станцией защиты растений, Тулунской станцией, Соцстрахом, Сибкрайиздатом, Губиздатом, Художественной студией, Сибкрайсоюзом, РАСО и Сибгосторгом.

Выставка разместилась в доме Иргосуна и занимала восемь больших комнат, в которых было выставлено на всеобщее обозрение порядка 5100 экспонатов.

Экспонировались: научно-исследовательская работа Иргосуна, ВСОРГО, Биолого-географического института, Научного музея, Лено-Байкальской партии; работы по краеведению городских школ и двух уездных – Нижнеудинской и Куйтунской; диаграммы Статбюро, Соцстраха; семена, коллекции тулунской станции, станции защиты растений; пушнина Сибрайсоюза, РАСО и Сибгосторга; издания Иргосуна, ВСОРГО, Статбюро, Бурреспублики; книги по краеведению Сибкрайиздата и ленинизму – Политпросвета.

Особое внимание обращали на себя экспонаты госуниверситета вообще и в частности Биолого-географического института, достаточно полно характеризовавшие край.

Довольно обширный отдел губоно рассказывал о коренном сдвиге, произошедшем в школьном образовании. Окружающая школьника жизнь нашла яркое отражение в выставленных экспонатах. Здесь и «Дьячий остров», и «Старый Иркутск», но в то же время – «Пимокатная фабрика», «Кожзавод», «Электрическая станция», «Ц. Р. К.», «Наши птицы», «Как живет и работает крестьянин» и т. д.

На редкость, интересные экспонаты представили Куйтунская и Нижнеудинская школы, близкие к научно-исследовательской работе. Первая выставила таблицы по народной медицине, суррогаты чая и мыла, «наши краски», отчеты по смертности детей в возрасте до 1-го года, диаграммы по обследованию головни, по обследованию грамотности, «краеведческую страницу» из стенной газеты. Вторая – естественно-исторические коллекции, результаты обследования Нижнеудинской пещеры с прекрасно выполненным планом пещер, впервые дающим полное представление о пещере, маршруте.

«Малограмотные» с ликпунктов в своих подчас неуклюжих работах рассказывают о том, «как добывают железо», как работает «Лучзавод», и здесь же рядом «домна» с «Лучзавода».

До 600 экспонатов предоставила Художественная студия – 26 серий детских рисунков. Интересная сама по себе работа вдобавок горячо пропагандировалась на выставке самими руководителями, что еще больше влекло к ней посетителей.

Прекрасные альбомы – Нижней Тунгуски, Лены, Витима, Май, Селенги; карты Охотского побережья, бухты Диксон, протоки Оленека, дельты Лены, Восточной Сибири (100 и 300 верст), бассейна Селенги, Байкала, Лены, Якутской Республики – дала Партия по исследованию рек Ленского и Байкальского бассейнов.

Заслуженной популярностью пользовался отдел Станции защиты растений и Тулунской станции. Здесь экспонировались: «Головня хлебов», «Повреждения огородными вредителями», «Зерновой червь», коллекции насекомых, вредящих огородам, – «цикадки», «хлебной блошки»; семена, селекционные таблицы и т. д. Край в его цифровых данных был представлен Статбюро художественно выполненными диаграммами и целым рядом трудов своих сотрудников.

Диаграммы Соцстраха также вызывали к себе неподдельный интерес посетителей благодаря интересному содержанию.

Научный музей предоставил результаты своих археологических раскопок в крае, богатый материал по бурятскому и русскому орнаменту, детскому рисунку и детским игрушкам. Особо им был выделен старый Иркутск.

ВСОРГО представил достижения своей издательской работы, пользовавшейся вниманием на центральных выставках – в Москве и Ленинграде, и здесь также эти издания пользовались большим и заслуженным успехом.

Посещаемость выставки, продолжавшейся 10 дней, наиболее полно характеризуется цифрой в 10 500 человек, именно столько людей посетили ее за время работы. Главный контингент посетителей – учащиеся и красноармейцы; затем идут рабочие и, наконец, служащие. Меньшая посещаемость рабочих и служащих объяснялась не столько малой заинтересованностью, сколько случайными причинами. По независящим от организаторов обстоятельствам выставка открывалась с 9 часов утра и работала до 4 часов дня, т. е. в часы, когда и рабочие, и служащие были заняты своей повседневной работой, что и послужило основной помехой.

Проанализировав все вышеизложенные факты, мы можем с полной уверенностью констатировать, что краеведческая выставка достигла своей цели – пропагандировать идеи краеведения.

Сразу после съезда состоялось совещание музейных работников, на котором был зачитан доклад директора Научного музея Я. Н. Ходукина «Музейное строительство». Совещание высказалось за необходимость дальнейшего развития музейного дела в Восточной Сибири – как в крупных городах, так и на периферии.

Дальнейшая реконструкция истории экспозиционного строительства в 1920–1930-е гг. во многом затрудняется отсутствием источников. В фондах Иркутского областного краеведческого музея сохранилось лишь несколько дел этого периода: «Годовые планы работы на 1925–1927 гг.», месячные «Отчеты о работе бурят-моногольского отдела за 1925–1926 гг.», «Отчет отдела хранителя археологии», «Переписка по вопросу охраны памятников старины и искусства между Иркутским музеем и арендующими организациями 1925–1926 гг.», описи наличия предметов исторического отдела 1925 и 1927 гг., книги поступлений, отдельные акты и докладные по состоянию сохранности. Отсутствуют планы и отчеты исторического отдела, что препятствует представлению в полной мере объема музейной экспозиции, исследо-

ванию картины экспозиционного строительства в 1925 г., когда в Иркутске проходил краеведческий съезд.

Круг найденных и использованных источников дает возможность определить, что в Иркутском государственном научном музее в середине 30-х гг. имелся исторический, монголо-бурятский, археологический отделы. До настоящего времени в фондах музея сохранились описи только исторического отдела.

«Опись наличия предметов исторического отдела Иркутского государственного областного научного музея 1925 г.» представляет собой рукописную прошнурованную книгу, заверенную печатью совета Иркутского научного музея. Имеется заверительная запись о том, что в данной книге заполнено 948 номеров, и подписи ученого секретаря музея Трофимовой и хранителя отдела А. Михайловской. В начале описи дается ряд вещественных памятников, затем изобразительных, документальных и памятников православного культа.

Начинается опись с предметов, которые характеризуют жизнь иркутян до пожара. Это афиша цирка Сулье, поступившая в музей от Л. И. Старцева в 1902 г., серебряный стакан – дар М. П. Овчинникова 1909 г., шкатулка для денег, поступившая от семьи Протодяковых в 1901 г. Экспонировались часть повойника и нательный крест, найденные при раскопках у Спасской церкви. Был выставлен светец, найденный в доме доктора Полякова по улице Почтамтской и переданный в музей его сыном, гимназистом П. Поляковым. Посетители могли познакомиться с бытом купеческого сословия через коллекцию одежды, обуви, головных уборов. Эти предметы принадлежали торговцу чаем в Иркутске – Кутину. Была показана мужская и женская обувь конца XIX в., в том числе бальные туфельки, расшитые шелком. Тут же находился кошелек розового бисера – дар музею Н. С. Романова, детский чепчик китайской работы из семьи Н. Н. Пежемского, подаренный музею Ю. П. Налетовой. В 1904 г., во дворе дома С. В. Белоголового по улице Дворянской, был найден номер легкового извозчика. Он также был представлен в данной экспозиции. В музее можно было увидеть тарелки фабрики Николая II, синие с золотом. По легенде они принадлежали М. Н. Волконской. Сейчас являются собственно-

стью Иркутского областного художественного музея и находятся в экспозиции Дома-музея декабристов.

Комплекс материалов посвящен теме об образовании в Иркутске. Здесь экспонировалась детская работа 1860-х гг. (розовый цветок из соломки и бумаги), а также кнут, который употреблялся при наказаниях, и бурсацкие рожки (надевавшиеся для наказания в иркутской бурсе) с колокольчиками (поступили в 1921 г.).

Часть материалов рассказывала об иркутском пожаре 1879 г.: монета, оплавленная в пожаре, и часть обложки сгоревшего гостиного двора.

Группа экспонатов освещает судопроизводство: указы Петра I, так называемые «Зеркала», цепь мирового судьи и судейская цепь, судейская треуголка, поступившие из ГубЧК в 1920-е гг.

Значительная часть экспозиции была отведена под раздел «Религия», где было выставлено 108 икон и предметы православного культа: псалтырь – дар Н. Н. Пежемского, медный крест – дар И. И. Серебренникова, распятие, переданное архивной комиссией, 15 икон (образы Николая Чудотворца, Екатерины Великомученицы, Спаса Нерукотворного и несколько икон Святого Иннокентия, были помечены как предметы церковной старины к изъятию, т. е. к передаче в комиссию).

Не уступала по размерам экспозиционной площади и другая коллекция – оружия и вооружения. Здесь экспонировалось российское, германское, холодное и огнестрельное оружие. Значительно было представлено японское солдатское холодное оружие и китайское огнестрельное, а также крепостное оружие, в том числе и пушки. Экспонировались знамена. Самое уникальное из них – с изображением Спаса Нерукотворного 1582 г., принадлежало казакам – покорителям Сибири. Тут же находились: знамена 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 28-го Сибирского стрелкового полка, а также знамя Иркутского пожарного общества с изображением иркутского герба.

Следующий раздел представлял огромную нумизматическую коллекцию русских медных и серебряных монет – более 1 тыс. экземпляров, кроме того, иностранных медных и серебряных монет – 50 образцов. Здесь же можно было

увидеть различные медали и значки. Экспонировалось значительное количество бумажных денег. Здесь были образцы советских шестидесятирублевых в количестве 30 штук, 4 односторонних 3-рублевых кредиток, расчетные знаки РСФСР 1919–1921 гг. номиналом от 250 до 1 тыс. руб., серебряные московские деньги и др. Причем до настоящего времени такой объемной выставки по нумизматике и бонистике в музее не было.

Посетитель мог увидеть коллекцию различных печатей. Экспонировались 2 сургучные печати Иркутского губернского магистрата 1760–1769 гг., а также печати различных учреждений Иркутской городской думы, иркутского гражданского и военного губернаторов, печати Главного управления Восточно-Сибирского повозного сбора 1898 г. Значительная часть каучуковых печатей и штампов: печать главного священника армии и флота, коменданта штаба Восточно-Сибирской армии, печать дипломатической канцелярии при генерал-губернаторе Восточной Сибири и другие – всего 38 образцов.

До выделения картинной галереи, в середине 1930-х гг., музей был перенасыщен высокохудожественными произведениями искусства. Здесь выставлялись работы талантливых мастеров, поступившие из национализированного в 1920 г. сукачевского собрания, а также дары архивной комиссии. В экспозиции Иркутского государственного научного музея была представлена портретная галерея иркутских военных и гражданских губернаторов: Лецано, Трескина, Цейдлера, Зарина, Горемыкина; портрет Державина, портрет генерал-губернатора Муравьева-Амурского и Синельникова кисти художника К. Маковского, портрет генерал-губернатора Фредерикса работы Тюрина, портрет генерал-губернатора Игнатьева работы Егорного. Его же кисти принадлежит портрет генерал-губернатора Горемыкина, выполненный в 1904 г. Эти работы поступили от архивной комиссии и от Советского народного дома (бывшего первого общественного собрания) в 1922 г. Здесь же экспонировался портрет Елизаветы Медведниковой работы Тимофеева, подаренный Музеем революции в 1924 г.

Галерея фотопортретов, составленная по материалам штаба Иркутского военного округа, переданных в 1924 г.,

представлена фотопортретами командующих войсками Иркутска: Эверта, Шкинского, Селиванова, Никитина, генерала Кондратенко.

Группа памятников характеризовала рукописные и печатные документы XVIII – начала XIX в. по различным темам: русский исторический календарь, инструкция о размежевании земель, описание жития Иннокентия Иркутского, папки с указами, рукописная литература иеговистов и сектантов, копии указов правительственного сената в иркутский магистрат и другие материалы, имевшие пометку «к передаче в архив». Следующие материалы рассказывали о революционной борьбе: различные заметки, отобранные при арестах, стихи из заключения, удостоверения сыскальной полиции, фотографии ссыльных с сопроводительными документами, а также революционные плакаты. Тут же экспонировались портреты вождей Октября, фотографии арестантов и администрации Александровской тюрьмы, различные прокламации, объявления и газеты, всего более 300 экземпляров. Все материалы были подобраны по архивному принципу и позднее были переданы в архив.

Отдельно выделены книги и газеты: иркутские епархиальные ведомости, иркутские губернские ведомости за различные годы, брошюры, церковные памятки о чудесах святых, литература по нумизматике и искусству, каталоги и путеводители по центральным музеям.

Экспозиция бурят-монгольского отдела была разбита на следующие темы: «Буряты, их быт и хозяйство», «Постройки туземцев Восточной Сибири», «Способы лечения у бурят шаманистов и ламаистов», «Как жил человек в нашем крае в каменном, бронзовом и железном веках». Причем на фоне такой экспозиции в 1925–1926 гг. предполагалось построить ряд отдельных уголков по темам: «Ламайская кумирня», «Лечение больного ребенка шаманом». В этих экспозициях читались лекции с использованием диапозитивов «Байкал, Ангара, Иркут и Енисей в легендах и преданиях туземного населения в Сибири», «Буряты, их быт и хозяйство», «Писаницы Прибайкалья и их значение для истории края», «Шаманство и его вред для истории края».

Эти небольшие выставки привлекали посетителей. В отчете за октябрь 1925 г. указано, что прошло 18 экскурсий, из

них 5 экскурсий – это для студентов вузов, по 3 – для учащихся, воспитанников детского дома, для военных, для слушателей курсов по переподготовке секретарей ячеек РКСМ. А в ноябре того же года было уже 20 экскурсий, в том числе для рабочих и служащих, китайских студентов и др. Хранитель бурят-монгольского отдела П. П. Хороших предпринял большие усилия для устройства вечера музыки и пения туземцев Восточной Сибири. В декабре 1925 г. был выставлен уголок на тему «Монгол в гостях у забайкальского бурята». Уголок изображал сидящих монгола и бурята в национальных костюмах за столом, на котором выставлены угощения, посуда. Тут же лежали трубки, шапки и другие принадлежности обихода. Перед бурятом стояла бурятка в национальном костюме. Позади гостя – аппарат для варки тарасуна (бурятского напитка).

Таким образом, экспозиция 1925 г. представляла собой обзор истории России и Иркутской губернии. Это была первая попытка создания исторической экспозиции. Возможно, ее авторы не имели опыта по воссозданию исторического процесса и многие материалы глазами современного посетителя казались бы излишними, но мы считаем, что экспозиция была построена очень даже верно, несла смысловую нагрузку и рассказывала главным образом об истории родного региона, при этом включая материалы общеисторического процесса.

В заключение главы хотелось бы еще раз обратить внимание на тот факт, что краеведческая и выставочная деятельность на протяжении всей истории ВСОРГО существовали и взаимодействовали неразрывно друг с другом. Именно благодаря активной научно-изыскательской работе сотрудников отдела на территории Восточной Сибири возник, ныне один из старейших в России, Иркутский областной краеведческий музей. С музеем активно сотрудничали такие выдающиеся ученые, как Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, В. А. Обручев, М. Н. Хангалов, Н. И. Витковский, Н. А. Агапитов, М. П. Овчинников и мн. др. В 1898 г. музей удачно демонстрировал свои экспонаты на Всемирной выставке в Париже. К концу века уже располагал коллекцией в более чем 20 тыс. предметов. Фонды краеведческого музея являли собой самое крупное музейное собрание на востоке

России и характеризовали материальную и духовную культуру народов Центральной Азии. Основу фондов составляли материалы экспедиций выдающихся исследователей, ученых Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Чего стоили одни только этнографические коллекции, которые воссоздавали научно-культурную картину по народам Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Кореи, Китая и Монголии, а также уникальные коллекции археологических памятников и многие другие. Более того, музей уже тогда располагал одной из крупнейших исторических библиотек, где были собраны материалы экспедиций и исследований ученых ВСОРГО. Не лишним будет упомянуть, что на сегодняшний день фонды отдела природы насчитывают около 10 тыс. единиц хранения, дающих представление о флоре и фауне не только Сибирского региона, но и других уголков мира.

После участия Иркутского краеведческого музея во Всероссийской Нижегородской и Всемирной Парижской выставках он стал достаточно известным в мире, обменивался экспонатами с Американским национальным музеем. Все это как нельзя благоприятно сказывалось на престиже сибирской науки как на родине, так и за рубежом. Таким образом, вклад ВСОРГО в выставочную деятельность был просто колоссальным и нес в себе огромный научный, культурный, просветительский заряд.

Контрольные вопросы

1. Музей ВСОРГО и его выставочная деятельность.
2. Жизнь, отданная науке (Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев).
3. Великая северная экспедиция ВСОРГО.
4. Музей ВСОРГО – координатор краеведческой деятельности в Восточной Сибири.
5. Исторические и этнографические коллекции музея ВСОРГО.
6. Музей ВСОРГО и общественность Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия – страна величайшей национальной культуры, изломанная историческими катаклизмами, с неотлаженной, во многом противоречивой системой. Быть может, жива еще наша культура лишь только потому, что смогла вобрать в себя культуру и искусство Запада и Востока. России выпала высокая историческая миссия сохранить потомкам культуру народов Сибири. А вместе с ней – понять, изучить и донести культуру Востока до Европы. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества был одним из первых, кто взял на себя тяжелый, но полезный для общества и государства труд – труд, который не прошел бесследно для культурной и научной жизни Иркутска и всего Восточно-Сибирского региона.

Рассматривая социально-экономические, политические и культурные предпосылки возникновения ВСОРГО на территории Восточной Сибири, становится ясно, что становление краеведения в Восточной Сибири, как, впрочем, и во всех остальных регионах нашей страны во многом было обязано ряду благоприятных обстоятельств, например: наличию образованных людей, заинтересованных в познании своего края, его природы, истории, культуры; поддержке местных властей (и светских, и церковных) и местных состоятельных людей. Надо признать, ВСОРГО в этом плане очень повезло и с покровителями, и с талантливыми учеными кадрами, и с объемом доселе не исследованного научного материала. С первых же дней своего существования на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока развернулась кипучая экспедиционно-исследовательская научная работа под руководством талантливейших умов российской науки. Посильную помощь в столь благородном деле оказывали и местные власти.

Интересный момент: если под краеведением подразумевать не только сферу просвещения и науки, но и сферу общественной жизни, то примечательным становится тот факт, что у истоков иркутского краеведения стояли такие деятели, как выдающийся в первой трети XIX в. ученый в области региональной истории сибиревед П. А. Словцов, самый крупный по масштабу мысли и образованности государственный деятель и правовед М. М. Сперанский, традициям которого

следовали и знаменитый Муравьев-Амурский, и Корсаков. В Иркутске сформировался и великий церковный деятель-просветитель народов Севера Иннокентий. Именно в Восточной Сибири особенно продуктивно оказались использованными интеллектуальные силы оказавшихся здесь революционно настроенных лиц – и декабристов, и петрашевцев, и народников, и социал-демократов. На территории, не знавшей помещичьего землевладения, основанного на крепостном труде, особо заметной оказалась роль просвещенных коммерсантов. Они привлекали к изучению Сибири и видных специалистов из Европейской России (как знаменитый А. М. Сибиряков историка М. И. Семевского).

Главной задачей деятелей ВСОРГО было признано «не только краеизучение, но и краестроительство, опирающееся на исследование района». Это означало: активную помощь в организации хозяйства на малоразработанных и изученных территориях, выявление природных богатств территории, содействие социальным и культурным преобразованиям. Выявление полезных ископаемых имело большое значение, так как Россия была еще слабо обследована: не все даже европейские губернии располагали хорошими географическими и геологическими картами. Более того, привнесение благ цивилизации, таких как образование, медицина и проч., благотворно воздействовали на процесс вовлечения малоразвитых территорий в экономическую и политическую жизнь государства, тем самым намертво закрепляя их в составе Российского государства.

Раскрывая особенности и формы организации краеведческой, выставочной и связанных с ними других форм научной деятельности ВСОРГО в период с 1851-го по 1931-й г., нетрудно заметить то многообразие форм, методов и видов исследовательской деятельности, которые были созданы с целью изучения Восточной Сибири.

К большому сожалению, судьба краеведческой деятельности ВСОРГО первого и второго периодов существования до сих пор остается фактически малоизученной, столь же мало известно и о его выставочной деятельности. Между тем именно выставочная деятельность, именно созданный стараниями сотрудников ВСОРГО богатейший краеведческий музей крайне благоприятно поспособствовали не только

приумножению славы российской науки, но и позволили воочию насладиться и восхититься историей и культурой Восточной Сибири не только жителям Российского государства, но и ряда зарубежных стран. Освещая взаимосвязь краеведческой и выставочной деятельности ВСОРО с научно-краеведческими учреждениями и учеными России, мы начинаем понимать всю важность, значимость и неоспоримость вклада последних в изучение истории Восточной Сибири и народов, ее населяющих. Трудно переоценить степень влияния краеведческой и выставочной деятельности ВСОРО на жизнь региона и развитие науки в целом. К сожалению, многие стороны деятельности ВСОРО не получили современной оценки по сей день. Именно эти пробелы, так называемые белые пятна истории, мы стремимся ликвидировать.

Только к 20-м гг. XX столетия краеведение приобрело особенно широкий размах как общественное движение. Сзывались всесоюзные и всероссийские съезды краеведов, было создано Центральное бюро краеведения, проходили конференции местных организаций. Расцвет краеведения в первое послереволюционное десятилетие был обусловлен еще и изменениями в общественной жизни (появившимися возможностями приобщения к культуре самых широких слоев населения, притом с детских лет, и стремлением лучшей части «старой интеллигенции» сохранить, а то и приумножить культурное наследие), и особенностями развития науки в стране (возникновение новых провинциальных очагов культуры; резкое сокращение взаимодействия с зарубежной наукой; постепенное утверждение полнейшей материальной, административной и идеологической зависимости от центральных правительственных – и советских, и особенно партийных – учреждений), и, конечно, местными традициями краеведческой деятельности.

Местные краеведы (организовывавшие тогда музеи, библиотеки, высшие учебные заведения, научные общества, издававшие свои труды и группировавшиеся подле Центрального бюро краеведения) верили в большое общественное значение научно-просветительской и памятнично-охранительной работы краеведов, высоко оценивали его усиливавшиеся взаимосвязи с «большой наукой» (академической и вузовской). Для тех интеллигентов, которые не

склонны были поддерживать идеи социалистических преобразований, это давало возможность продолжать свое служение идеалам культуры (и в то же время облегчить материально свое существование). А советская власть видела в этом возможность использовать «спецов» в советском культурном строительстве.

В той или иной мере так продолжалось до зловещего года «великого перелома», хотя симптомы набиравшего силу тоталитаризма проявлялись в сфере краеведения уже со второй половины 1920-х гг. И понятно, почему именно краеведческие объединения и историко-культурное краеведение в целом оказались среди первых жертв сталинского террора.

После Октябрьской революции советское правительство планомерно стало ограничивать свободу ВСОРГО, добившись в конечном итоге в 1931 г. закрытия организации, в которой были сосредоточены лучшие научные и исследовательские силы региона, благодаря которой стало возможным подробнейшее изучение территории Восточной Сибири, Дальнего Востока и Монголии. Завершился второй этап в истории существования ВСОРГО.

Между тем, именуясь Географическим обществом, Восточно-Сибирский отдел смог консолидировать все основные исследования в области естественных и социальных наук, проводившиеся в период с 1851-го и по 1931-й г. Отдел обеспечил творческое взаимодействие исследователей и ученых различных наук и школ, позволил комплексно решить все научные проблемы. Благодаря его демократическим традициям и поддержке инициативы исследователей была обеспечена не только высокая эффективность проводимых работ на местах, но и налажена преемственность дореволюционного и постреволюционного поколений ученых.

Научное краеведение, положенное в основу всей деятельности ВСОРГО, позволяло одновременно осуществлять массу научно-исследовательских программ и проектов; обеспечивать необходимую практическую, методическую и пропагандистскую поддержку массового краеведческого движения.

Многолетние традиции, авторитет в обществе и находящиеся в его составе высококвалифицированные кадры обес-

печивали ВСОРГО соответствующий уровень научных исследований и популяризацию научных достижений.

В последующий период, начиная с 1947 г., ВСОРГО был восстановлен, но уже как чисто географическое общество, в качестве которого и работает по сей день. Краеведческая же деятельность библиотек, научных обществ и академических институтов получила дальнейшее развитие лишь в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что проблематика изучения данной темы имеет огромные перспективы и продолжает оставаться актуальной и в начале XXI в., неся большой позитивный заряд для последующих поколений. Нам представляется, что современные краеведы должны использовать наиболее ценные традиции прежних знатоков родного края. Необходимо восстановить и лучшие из воспитательных методов того времени, которые могут поспособствовать формированию молодого человека – патриота своей страны, понимающего значение демократических традиций и общечеловеческих идеалов.

Список рекомендуемой литературы

Азадовский М. К. Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX в. : (Перечень ст. в период 1891–1900 г.) // Сиб. живая старина : этнограф. сб. – Иркутск, 1924. – Вып. 11. – С. 191–222.

Азадовский М. К. Пути этнографических изучений ВСОРГО // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1926. – Вып. 2. – С. 33–62.

Андрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником А. В. Андриановым. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1886. – 276 с. – (Оттиск из Зап. ИРГО).

Булычов И. Путешествие по Восточной Сибири И. Булычова, Императорского Русского Географического Общества Действительного Члена. Ч. 1 : Якутская область, Охотский край / И. Булычов. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1856. – 298 с.

Ватин В. А. Минусинский край в XVIII веке: Этюд по истории Сибири / В. А. Ватин. – Минусинск : Тип. А. Ф. Метелкина, 1913. – IV, 212 с. – (Минусин. гор. Мартьяновский музей).

Ватин В. А. Село Минусинское : ист. очерк / В. А. Ватин. – Минусинск : Тип. А. Ф. Метелкина и К°, 1914. – VI, [1], 181 с. – (Минусин. гор. Мартьяновский музей).

Зуляр Ю. А. ВСОРГО как организатор и координатор краеведения в регионе (1917–1930) // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. – Иркутск, 2000. – Ч. 1. – С. 62–70.

Казаринов П. К. На новых путях краеведения. К итогам работ 2-й Всесоюзной Конференции по краеведению // Бюлл. ВСОРГО. – Иркутск, 1925. – № 6. – С. 9–22.

Казаринов П. К. Три четверти века: (К юбилею ВСОРГО) // Сиб. живая старина. – 1926. – Вып. 2. – С. 3–32.

Каталог музея ВСОРГО / сост. И. А. Подгорбунский, Г. Н. Потанин. – Иркутск : Тип. газ. «Вост. Обзор.», 1888.

Ковалёва А. С. Библиотека ВСОРГО и краеведение // Иркут. краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. – Иркутск, 2000. – Ч. 2. – С. 47–51.

Ковалёва А. С. Издательская деятельность ВСОРГО // Вторые Романовские чтения. – Иркутск, 2000 – С. 155–160.

Кузнецов А. К. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетней деятельности Императорского Русского географического общества в торжественном собрании Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества 21 января 1896 г. // Зап. Чит. отделения Приам, отдела ИРГО. – Чита, 1897. – Вып. 2. – С. 120–158.

Ларионов Д. Д. Губернский город Иркутск: (Пожары 22-го и 24-го Июня 1879 г.). – Иркутск : Тип. Н. Н. Сеницына, 1880. – [2], 110, IV с.

Отчет Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества с 29-го апреля 1923 г. по 1-е мая 1924 г. – Иркутск, 1924.

Першин Д. П. Краткий исторический очерк пятидесятилетней деятельности Императорского Русского географического общества по этнографии в пределах Азии // Изв. ВСОРГО. – 1896. – Т. 27, № 1. – Иркутск, 1897. – С. 41–85.

Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Н. С. Романов ; подг. изд. Н. В. Куликаускене. – Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 544 с.

Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов ; сост., предисл. и примеч. Н. В. Куликаускене. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 56 с.

Ф. 293 «Восточно-Сибирский Отдел Русского Географического общества». Оп. 1. Д. 1, 6, 9, 10, 22, 35, 42, 52, 58, 104, 318, 795

Ф. р-565 «Восточно-Сибирский отдел Всесоюзного Географического Общества СССР». Оп. 1. Д. 5, 17, 32, 21, 56, 82, 95, ПО, 146; Оп. 2. Д. 23, 36, 38, 71, 77, 89, 95; Оп. 3. Д. 4, 7, 26.